

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

2 (14) ВЛАДИМИРСКОГО
2017 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2017

Редакторы:

А. А. Амирсейидова

Е. В. Невская

Корректоры:

О. В. Балашова

Е. С. Глазкова

Технический редактор

С. Ш. Абдуллаева

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Автор перевода

Д. Д. Жукова

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы*

Адрес учредителя:

*600000, Владимир,
ул. Горького, 87.*

*Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых*

Адрес редакции:

*600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а*

Подписано в печать 26.06.17.

Заказ №

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 11,86

Тираж 500 экз.

*Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87*

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиове- дения (зам. главного редактора серии)
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент директор Педагогического института
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор руководитель проекта «История сербской философии», Философский факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета Фридрих-Александра, Эрланген – Нюрнберг (Германия)
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор академик РАЕН
<i>И. Я. Кантеров</i>	доктор филос. наук, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой исторического регионове- дения Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапишина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой Всеобщей истории
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор проректор Московского педагогического государственного университета
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка
<i>Г. С. Егорова</i>	кандидат ист. наук, доцент кафедры истории России (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н. В. Киприянова

Дом и усадьба горожанина как социокультурное пространство
(по материалам Владимирской губернии конца XVIII – середины XIX в.) 5

И. В. Омелянчук

Правые партии, власть и церковь в 1905 – 1914 гг. (на примере
Владимирской губернии) 15

Ю. Д. Коробков

Старое в новом, новое в старом. Морально-психологические
предпосылки революции 1917 г. 31

М. В. Карташова

Кустарные промыслы между двумя революциями (на материалах всероссийской
переписи населения 1917 г. по Детковской волости Нижегородской губернии) 41

ФИЛОЛОГИЯ

Ж. В. Марфина, Т. И. Кузьменко

К вопросу о природе ассоциативного поля в языке 51

Лиляна Д. Байич

Тема бедных людей в сербской и русской литературе: сопоставительный
анализ произведений Ф. М. Достоевского и Б. Станковича..... 56

И. Н. Минеева

Книга как преодоление травмы в девичьем дневнике В. А. Горной
1941 – 1945 гг. 69

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Аринин, А. В. Милькова

Поморское древлеправославие на Владимирской земле (часть 1) 76

Е. И. Аринин, С. Ш. Абдуллаева

Ислам и наука 85

Н. И. Петев

Эволюционизм онтологии в рамках искусственной мифологии
(на примере видеоигры «WARHAMMER 40.000») 90

Сведения об авторах 101

CONTENTS

HISTORY

N. V. Kipryanova

House and Manor of a City-Dweller as a Socio-Cultural Space (Case-Study:
Vladimir Province in the Late 18th–Mid-19th Centuries) 5

I. V. Omeliyanchuk

Right-Wing Parties, Government and Church in 1905 – 1914 years
(Case-Study: Vladimir Province)..... 15

Y. D. Korobkov

The Old in the New, the New in the Old. Moral and Psychological
Preconditions of the 1917 Revolution 31

M. V. Kartashova

Handicraft Between the Two Revolutions (Based on the 1917 All-Russia
Population Census Records on Detkovsky District of Nizhniy Novgorod Province)..... 41

PHILOLOGY

Zh. Marfina, T. Kuzmenko

Revisiting the Nature of the Associate Field in the Language 51

Lilyana D. Bayich

The Poor People Theme in the Serbian and Russian Literature: Comparative Analysis
of the Works by F. M. Dostoyevsky and B. Stankovich 56

I.N. Mineeva

Book as a Trauma Overcoming in V. A. Gornaya's «Girl's» Diary (1941 – 1945) 69

PHILOSOPHY

E. Arinin, A. Milkova

Pomorian Old-Rite Orthodoxy in Vladimir (part 1) 76

E. I. Arinin, S. Sh. Abdullaeva

Islam and Science 85

N. I. Petev

Evolutionism of Ontology in the Artificial Mythology (Case-Study:
Video Game «Warhammer 40.000»)..... 90

Contributors 101

**ДОМ И УСАДЬБА ГОРОЖАНИНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX в.)**

В представленной статье на основе анализа различных видов письменных источников прослеживается трансформация предметно-бытового окружения горожан в конце XVIII – середине XIX в. Автор приходит к выводу, что в указанный период значительно изменяется жилище горожан, что отражает существенные изменения в миропонимании, формирование типично буржуазного способа мышления.

Ключевые слова: Россия конца XVIII – середины XIX в., модернизация, социокультурное пространство.

Важнейшим элементом социокультурной характеристики различных слоев населения является быт. В свое время Л. П. Карсавин, предшественник культурно-антропологического направления в отечественной истории, отмечал необходимость изучения материального бытия и повседневности, называя их специфической сферой общественной жизни [25, с. 34]. Впоследствии Ю. М. Лотман подчеркивал, что обязательным элементом быта являются «вещи, которые окружают нас» [28, с. 10], в том числе жилые постройки. Жилище во многом формирует среду для удовлетворения жизненно важных потребностей человека, это часть материальной и духовной культуры. Специфика жилища – это относительная устойчивость материального воплощения. Следовательно, данное явление включено в культурную жизнь нескольких поколений [39, с. 126].

Данная статья посвящена изучению «материального контекста эпохи» [52, с. 76] горожан конца XVIII – первой половины XIX в. Это время глубокой трансформации российского общества, связанной со становлением буржуазных отношений. Сама трансформация проявлялась не только на уровне модернизации общественных отношений, но и в быту. Постепенная эволюция «среды обитания», которая была доступна и привычна каждый день, отражала не только «бытовые перемены» конца XVIII – середины XIX в. Она демонстрировала коренные изменения духовных потребностей и культурных запросов, мировосприятия и мировоззрения, т. е. малозаметные для отстраненного наблюдения сдвиги «в наиболее консервативной области человеческого существования» [5, с. 323]. Интенсивность происходивших перемен дает

возможность судить о степени преодоления устоявшихся стереотипов и формирования иного мировоззрения.

Интерес к социокультурному аспекту развития общества привел к появлению работ о предметно-бытовой культуре различных слоев населения [1; 2; 3; 40; 47]. Вместе с тем исследований, непосредственно связанных с изучением материальной культуры и быта горожан, немного. Известный специалист по этнографии города М. Г. Рабинович прямо указывал, что «причиной этого в значительной мере было отношение ученых к городу как к явлению для русского народа внешнему и не очень характерному. Городская культура считалась элементом цивилизации, стирающим традиционные особенности народной культуры, а не необходимым элементом самой этой культуры» [36, с. 3]. В связи с реформами Екатерины II и выделением города в самостоятельную административную единицу потребовалось переосмысление места и роли города в жизни человека, влияния городской застройки на его сознание [31, с. 50].

Для исследования выбраны города Владимирской губернии – типичные малые и средние города Центральной России, поэтому полученные результаты возможно с определенной осторожностью экстраполировать и на соседние регионы. Основными источниками для выявления предметно-бытовой составляющей жизни купечества стали законодательные акты, материалы делопроизводства местных учреждений (описи имущества из

фондов сиротских судов и дела городских магистратов и палаты гражданского суда), а также документы личного происхождения.

Возникновение и развитие городов Нового времени обычно связывалось с властью. Значительное число городов России создавалось специально как административные центры. Правительство таким образом стремилось облегчить управление округами и превращало село в город, а крестьян обращало в мещан [27, с. 5].

В конце XVIII в. был подписан указ «Об учреждении Владимирской губернии» [33], на основе которого была сформирована ее территория. Центром новой губернии стал Владимир – город с многовековой историей. В ее состав были также включены бывшие провинциальные центры – Суздаль, Юрьев-Польской, Переславль-Залесский – и уездные города Муром, Гороховец, Шуя. Старинных городских центров оказалось недостаточно для административного управления, поэтому несколько городов были «назначены» из других поселений: Меленки (бывшее дворцовое село), Киржач, Покров, Судогда и Ковров (прежние экономические села), а также Вязники (государственная слобода) и Александров (бывший ранее слободой ведомства дворцовой Конюшенной канцелярии) [34]. Таким образом, примерно половина городов учрежденной Владимирской губернии в 80-х гг. XVIII в. была «назначена». Городами населенные пункты являлись лишь формально, по указу. Населявшие их крестьяне на

момент проведения реформы были крестьянами не только по социальному статусу, но и по образу жизни, формам хозяйственной деятельности, менталитету. Им еще предстояло осознать свой новый статус.

Города становились «средой обитания» преимущественно купечества и мещанства. Горожане видели город «изнутри», применительно к своим интересам и потребностям. Это нашло отражение в депутатских наказах в Уложенную комиссию. В них не поднимались вопросы о благоустройстве и внешнем виде города. Свои «тягости» купечество видело в недостатке внутригородской и выгонной земли, организации хозяйственной жизни [26, с. 160 – 307]. Государство, понимая растущую экономическую и общественную роль города, стремилось не только структурировать общество в целом, но и определить в нем место городского населения. Значительные усилия верховной власти были направлены на улучшение облика городов (в основном за счет самого населения) и одновременно на создание в них социально-территориальных ячеек.

Связь между населением и городом была двусторонней. Город во многом определял образ жизни, с другой стороны, горожане стремились сделать удобным окружающее их пространство.

По свидетельствам современников, во второй половине XVIII в. благоустройство не являлось достоинством провинциальных русских городов. «Белозерск беден и на де-

ревню похож», – писал в своем докладе Я. Сиверс [41, с. 187]. В Уфимском наместничестве один город состоял из двух частей, лежавших друг от друга на расстоянии девяти верст. В обеих частях насчитывалось 70 дворов. «Грязь, топь, нечистоты» – слова, постоянно встречавшиеся в описании городов. Многие из них были расположены на совершенно неудобных местах, вследствие чего каждую весну часть городской территории уходила под воду. Подобная ситуация наблюдалась в Воронеже, Астрахани, Черкассах, Уфе, Ярославле [49, с. 70 – 73]. В Муроме, по свидетельству Палласа, берег Оки так осыпался, что требовалась «отменная храбрость», чтобы жить в некоторых домах [32, с. 4].

Русские средневековые города традиционно строились бессистемно, стихийно. Расположение построек определялось как кому показалось удобным. Большое значение имели условия местности – наезженная дорога, овраги, насыпные валы. Иностранцы, посещавшие в это время Россию, неоднократно отмечали, что между домами встречались заросшие бурьяном большие пустыри, пустоши, различить улицы и площади было невозможно. Повсеместно внутри городов находились «луга и поля» [49, с. 71]. Владимирский архитектор Н. Артлебен жаловался, что в городах губернии «кварталы чрезвычайно неправильны, площади малы, улицы кривые» [23, с. 32].

Для изменения плачевного состояния существующих российских

городов и преобразования в города значительного количества сел потребовалось усиление контроля за городским строительством со стороны верховной власти.

Это повышенное внимание к внешнему облику и благоустройству города отстаивал руководитель созданной Комиссии строений П. М. Еропкин. Он последовательно продвигал идею о высокогражданственном предназначении архитектуры. Она рассматривалась как один из материальных способов трансформации привычного уклада жизни [24, с. 18].

В ходе реформ предполагалось произвести перепланировку старых городов. В 1781 г. были утверждены «регулярные» планы застройки Владимира и городов Владимирской губернии. Они основывались на принципах рациональности и геометричности. Выделялся административный центр – старая соборная площадь, где следовало выстроить каменные здания «для присутственных мест». Торговая площадь получила прямоугольные очертания благодаря каре каменных лавок. К площади устремлялись улицы, идущие от въезда в город [29, с. 59]. К планам городов прилагались чертежи рекомендуемых «образцовых» проектов, с помощью которых строго регламентировались возможные фасады жилых домов [2, с. 241].

В соответствии с Жалованной грамотой городам 1785 г. условием для вступления в «общество градское» было наличие недвижимости и в первую очередь – дома. Дом был

основным местом, где протекала повседневная жизнь горожанина. Он занимал особое место в жизни купечества, являлся мерилom общественного положения. Типичным купеческим домом в городах Владимирской губернии в середине XVIII в. была «горница белая на подклете». Вследствие невысокого материального достатка это «хоромное строение» покрывали «лубьем и драньем... при одной горнице сени привальные, в них клеть холодная. При тех сенях крылец дощатый... Двор с вороты огорожен заметами» [7].

Переустройство городов в соответствии с новыми планами было длительным процессом. Предполагалось, что в центре города будут располагаться каменные двух-трехэтажные особняки, доступные только зажиточным горожанам. Однако радикальная перепланировка чаще всего была невозможна из-за отсутствия средств и нецелесообразности уничтожения существующих зданий. Это московские купцы уже в середине XVIII в. могли позволить себе дома даже в три этажа [37]. В провинции у купцов и в конце XVIII – начале XIX в. средств на строительство каменных домов не хватало. Поэтому превращение древнерусских городов в «регулярные», как ни старалось правительство, шло очень медленно [48, с. 248].

Ведущую роль на протяжении всего исследуемого периода играло деревянное строительство. Эти деревянные дома стали продолжением народных традиций. По наблюдени-

ям М. Г. Рабиновича, наиболее распространенным жилищем среднего горожанина в конце XVIII – первой половине XIX в. был одноэтажный «дом в три окна», в основе которого лежал традиционный крестьянский трехкамерный дом или дом-пятистенки [35, с. 106], слегка адаптированные применительно к городским условиям. При сенях могло быть крыльцо и на нем «отход» (туалет) под одной крышей с домом [6; 16]. Следует отметить, что туалет, находящийся непосредственно в доме, а не во дворе, был большой редкостью. С 30-х гг. XIX в. деревянные дома стали чаще обшивать тесом и покрывать краской.

Одновременно получили распространение дома смешанного типа – на высоком каменном полуподвальном этаже (бывшем подклете) с небольшими окнами. В описях имущества такие дома называются «дом смешанный», «дом на каменном подклете», «дом с деревянным верхом» [9]. В полуподвале можно было разместить кухню, лавки, трактиры, разные подсобные помещения.

Каменный дом стоил дорого и был доступен только зажиточным горожанам. К тому же традиционно считалось, что «в деревянных домах удобнее жить, нежели в каменных, по теплоте, сухости и чистоте воздуха» [43, с. 5].

Тем не менее престиж предпринимателя требовал строительства именно каменного дома. Владение им становилось своеобразной рекламой финансового благополучия. Часто

деревянные дома штукатурили снаружи и изнутри, чтобы придать им видимость каменных.

Строительство каменных купеческих домов, несмотря на все трудности и отсутствие средств, постепенно расширялось. Во Владимире, по сведениям «Топографического описания Владимирской губернии», в 1784 г. было всего 6 каменных жилых зданий, в том числе дом архиерея [44, с. 10]. Один из первых каменных домов был построен владимирским купцом, ратманом городского магистрата С. Лазаревым «близь самого Торгового мосту» [51, с. 19]. К середине XIX в. во Владимире уже 30 % купеческих домов были каменными, примерно столько же приходилось на дома смешанной конструкции [8; 11]. Не отставали и уездные города. Муром, не имевший в 60-е гг. XVIII в. ни одного каменного строения, в 1837 г. мог похвастаться 44 каменными домами купцов [4].

К середине XIX в. сложилось несколько типов жилого дома купеческой усадьбы. Наибольшее распространение получил небольшой особняк в стиле классицизма. Приобрели популярность дома с мезонинами. Часто рядом с домом возводился флигель – обычно самостоятельное жилое помещение [17]. Чтобы скрыть недостаток средств, купцы пускались на маленькие хитрости. Даже довольно крупные владельцы полотняных фабрик кровлю фасада, выходящего на улицу, делали из железа, а скат, обращенный во двор, перекрывали тесом [20].

Новый облик города во многом зависел от художественного вкуса и достатка горожан. Купечество не всегда использовало стандартные «образцовые проекты». При наличии средств купцы стремились подражать столичным архитектурным образцам. Некоторые жилые строения во Владимире были возведены по аналогам рисунков, хранящихся в альбомах М. Ф. Казакова [45, с. 14]. В Вязниках первый каменный дом – дом купца И. И. Кашина – строился по проекту В. И. Баженова. На это здание в свое время даже обратил внимание губернатор И. М. Долгоруков, побывавший в городе в 1813 г. По его мнению, лепные украшения на фасаде дома «не обезобразили бы фасады лучших домов в Москве» [22, с. 214].

Городской дом являлся частью обширного усадебного комплекса, который включал в себя дополнительно различные хозяйственные постройки. Основные черты купеческих усадеб сформировались уже к концу XVII в.

Обычно усадьба занимала компактную, обнесенную глухой оградой территорию. Специальная ограда – тын или заплот – изолировала усадьбу от городского пространства. Подобное строительство характерно для средневекового зодчества. Среди хозяйственных построек могли находиться «житницы», «сарай скотный», «сарай с курятником», «сарай лошадиный», «сушила» и многочисленные «анбары» и «амбарчики». Жилые «хоромы» располагались в глубине усадьбы. За ними простирался задний

двор, где были поварня, погреба, мыльня (баня) и колодец. К заднему двору обычно примыкали огороды и сады [18].

Подобная купеческая усадьба традиционного типа вплоть до начала XIX столетия сохраняла свои основные черты. Это прежде всего замкнутость и изолированность от городского пространства, свободная планировка, практицизм и полное равнодушие к художественной стороне дела. Со временем сложились достаточно устойчивые типы построек как жилых, так и хозяйственных, торговых, производственных [2, с. 241 – 248].

Комнаты в купеческих домах долгое время не имели функционального назначения. Это естественно, так как приблизительно до 30-х гг. XIX в. преобладали двух-трехкомнатные строения. Обычно единственным «специализированным» помещением была кухня. В условиях господства деревянных построек кухня была источником угрозы пожара. В 1848 г. во время очередного большого пожара во Владимире пострадало значительное количество даже каменных купеческих домов на центральной Нижегородской улице [10]. Чтобы уменьшить постоянный риск, «стряпушечью», или «стряпчую избу», в усадьбах часто располагали отдельно, «напротив жилого дома» [19].

Со временем в городских жилищах происходило постепенное разделение пространства на бытовое и парадное. В больших домах вместо безымянных «покоев» стали появ-

ляться комнаты, имевшие функциональное назначение. Это могла быть прихожая, «зал», гостиная, кабинет, спальня. Были и комнаты без окон, выполнявшие роль кладовок. В них хранили хозяйственные мелочи, одежду в сундуках, ткани и книги [14].

По мере развития каменного строительства и увеличения размеров жилых домов в них стали располагать «торговые» заведения – в полуподвалах или специальных пристройках. Постепенно купцы вырабатывали свой заказ на архитектуру зданий особого типа. Эти постройки совмещали в себе жилое помещение с помещениями торгового, складского и хозяйственного назначений [3, с. 298]. Так, на первом этаже дома владимирского купца 3-й гильдии А. Коновалова находилась харчевня [13], братья Петровские, купцы 2-й гильдии, владели каждый «по половине каменного дома... и под оными лавки и подвалы» [12], а трехэтажный дом бывшего городского головы Лазарева (г. Владимир) был наполнен «трактирами, харчевнями и лавками» [38].

Традиционной чертой городского купеческого быта указанного периода являлось наличие подсобного хозяйства. Даже в столицах содержали скот, птицу и имели огороды [30, с. 488]. Домашний городской скот пасли на принадлежащем городу выгоне, а на зиму горожане запасались сеном [21, с. 56].

Частью городской усадьбы оставались сад и огород. В саду могло быть по несколько сотен яблоневых деревьев, «гряды» черной и красной

смородины [16]. Во Владимире в первой трети XIX в. современники отмечали наличие большого количества «вишневых садов».

Таким образом, формирование «третьего сословия» в отдельную социальную группу способствовало формированию у него собственной субкультуры, частью которой являлась и материально-пространственная среда.

В конце XVIII – начале XIX в. городские усадьбы сохраняли черты аграрного уклада жизни и элементы средневекового зодчества (замкнутость, стремление отгородиться от городского пространства). Данные явления были характерны для средневековой локальности в культуре (как территориальной, так и социальной). Эта локальность воспроизводилась на бытовом уровне и оказывала определенное влияние на мышление купечества и восприятие им окружающего мира.

Введение «красной линии» в планах регулярной застройки значительно изменило вид города. Примерно с 30-х гг. XIX в. стали особенно заметны изменения в бытовой «среде обитания» купечества. Городская усадьба, несмотря на сохранение подсобного хозяйства (домашний скот, огороды, сады), постепенно теряла свой сельскохозяйственный облик, становилась менее замкнутой и изолированной. Эта трансформация была следствием как общей тенденции развития городов, городского образа жизни, так и показателем перелома в отношении горожан к условиям своего

существования. К середине XIX в. прослеживается тенденция организовывать не просто «дом», «хозяйство», но и свое индивидуальное пространство для работы, отдыха, семьи, «престижного» общения. Подобная «индивидуализация», усиление внимания к личности как таковой, а не просто части «социальной ячейки» свидетельствует как о росте самоуважения, так и о формировании типично буржуазного способа мышления. Следует отметить, что большую роль в этом процессе играло государство.

Библиографические ссылки

1. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб. : Полторак, 2014. 439 с.
2. Барашев М. А. Быт и повседневная жизнь русского купечества (конец XVII – начало XX в.) // История российского предпринимательства. Владимир, 2001. С. 238 – 283.
3. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. : Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 424 с.
4. ВГВ (часть неоф.). 1838. № 27.
5. Ворожбитова М. В. Светская живопись в повседневном быту московских обывателей // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в. : материалы междунар. науч. конф. 25 – 28 апр. 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин. В 2 ч. Ч. 2. Тверь : Изд-во Твер. гос ун-та, 2002. С. 322 – 329.
6. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 575. Л. 580 об. – 581.
7. ГАВО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 433. Л. 41 – 42.
8. ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 – 47.
9. Там же. Л. 5 об.– 6, 10 об. – 11.
10. Там же. Д. 24.
11. Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 75 – 103.
12. Там же. Д. 64. Л. 84 – 85.
13. Там же. Ф. 549. Оп. 2. Д. 31.
14. Там же. Ф. 550. Оп. 1. Д. 24. Л. 129
15. Там же. Ф. 551. Оп. 1. Д. 637. Л. 7.
16. Там же. Д. 217. Л. 9, 10.
17. Там же. Д. 295. Л. 4.
18. Там же. Д. 487. Л. 25.
19. Там же. Д. 93. Л. 5 об.
20. Там же. Т. 2. Д. 2128. Л. 13.

21. Дневник купца Балугева // Андреев Н. И. Гороховецкая историческая хроника : сб. краевед. ст. Вып. 3. Владимир, 2010. С. 44 – 77.
22. Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни. Ковров : БЭСТ – В, 1997. 576 с.
23. Дудорова Л. В. Старый Владимир. Владимир, 1998. С. 32.
24. Евсина Н. А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II. М., 1994. С. 18.
25. Карсавин Л. П. Философия истории. Берлин, 1923. 289 с.
26. Киприянова Н. В. Социокультурный облик российского купечества (по материалам Уложенной комиссии 1767 г.). Владимир : НИВА, 2011. 312 с.
27. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2008. 448 с.
28. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб. : Искусство, 1994. 455 с.
29. Мазур Л. Д. Трансформация градостроительной ткани в системе землевладений русского города в XVII – XVIII веках (Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский) // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI – XVIII вв) : докл. Второй науч. конф. (Москва, 7 – 8 дек. 1999 г.). М., 2001. С. 59 – 63.
30. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М. : РОССПЭН, 2010. 683 с.
31. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России XVIII – XIX вв. М. : Искусство, 1984. 219 с.
32. Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. В 2 ч. СПб., 1773. Ч. I. С. 160 ; Ч. II, кн. 1. С. 4.
33. ПСЗ - I. Т. XX. № 14714.
34. Там же. № 14787.
35. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М. : Наука. 1988. 309 с.
36. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М. : Наука, 1978. 327 с.
37. РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 1801. Л. 2 – 2 об., 3 – 3 об.
38. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1/1808. Л. 5.
39. Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII – XX век. М. : РОССПЭН, 2011. 496 с.
40. Сазонова Е. И. Материальная культура и быт русского провинциального города конца XVIII – начала XX в. (на примере городов Владимирской и Ярославской губерний) : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2000. 24 с.
41. Сиверс Я. Е. Доклад о состоянии Новгородской губернии // Русский архив. 1892. Кн. 3. № 10. С. 187.

42. Судакова О. Н. Ценностный мир русского купечества Нового времени. Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2001. 190 с.
43. Титов А. А. Статистическое обозрение города Мурома // Памятная книжка Владимирской губернии на 1900 г. Владимир : В Тип. губерн. правления, 1900. 125 с.
44. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. с приложением одного рисунка / под ред. Г. А. Ряжского. Владимир, 1906. С. 10.
45. Труфанова И. В. «Образцовое» строительство в городах Владимирской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 24 с.
46. Тыдман Л. В. Изба, дом, дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840 годы. М. : Прогресс-Традиции, 2000. 332 с.
47. Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М. : Наука, 1999. 289 с.
48. Четырина Н. А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX в. (Посад как тип городского поселения). М. : АИРО – XXI, 2006. 320 с.
49. Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII в. СПб. : Изд-во. РНБ, 2010. 835 с.
50. Шквариков В. А. Очерки истории планировки и застройки русских городов. М., 1954.
51. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. / И. И. Шулус [и др.]. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. 192 с.
52. Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. М., 1991. С. 69 – 80.

N. V. Kipryanova

HOUSE AND MANOR OF A CITY-DWELLER AS A SOCIO-CULTURAL SPACE (CASE-STUDY: VLADIMIR PROVINCE IN THE LATE 18TH – MID-19TH CENTURIES)

In the presented article based on the analysis of various types of written sources, the transformation of the material-everyday environment of city-dwellers in the late 18th– mid-19th centuries is traced. The author comes to the conclusion that in this period the housing of city-dwellers changes significantly, which reflects significant changes in the worldview and formation of a typically bourgeois way of thinking.

Keywords: Russia in the late 18th – mid-19th centuries, modernization, socio-cultural space.

**ПРАВЫЕ ПАРТИИ, ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В 1905 – 1914 гг.
(НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В работе рассмотрены взаимоотношения монархических партий, власти и Православной церкви в России в период с 1905 по 1914 гг. на примере Владимирской губернии.

Ключевые слова: Владимирская губерния, монархические партии, губернская администрация, Православная церковь.

Возникшие в годы Первой русской революции монархические партии, ставившие своей задачей сохранение самодержавия и усиление роли Православной церкви в жизни государства, имели полное основание надеяться на безоговорочную поддержку своей деятельности со стороны поставленных самодержцем властей и церковной иерархии. Однако в действительности отношение к монархистам представителей власти и церковного клира было не столь однозначным – многое зависело от политических пристрастий конкретных чиновников и священнослужителей.

Так, успеху деятельности Ярославского Союза русского народа (СРН), по мнению его председателя И. Н. Кацаурова, «много способствовало, что во главе администрации стоит верный слуга Государя и родины А. А. Римский-Корсаков» [13, л. 9 об.]. Нижегородский губернатор А. Н. Хвостов вообще «вел себя по отношению крайних правых партий не как губернатор, а как член их партии» [15, с. 634].

Во Владимирской же губернии ситуация была несколько иной. Ее

начальник И. М. Леонтьев не только не оказал поддержки созданному в феврале 1906 г. во Владимире отделу СРН, но и в силу своих должностных обязанностей потребовал от его председателя В. М. Карякина соблюдения всех юридических формальностей, которые к тому времени в отношении политических партий и союзов были весьма запутанны. «...Прошу сообщить сведения, утвержден ли устав «Союза русского Народа» и, в утвердительном случае, кем, когда и в каком порядке, а также, где имеет местопребывания Совет этого Союза», – писал губернатор председателю Владимирского отдела СРН. Однако эти в общем-то законные требования были восприняты местными монархистами как придирки, и В. М. Карякин в раздражении написал жалобу на имя премьер-министра П. А. Столыпина. Последний встал на сторону «союзников» и 28 июня 1906 г. отправил грозную телеграмму владимирскому губернатору: «“Союз русского Народа” сообщил, что Ваше превосходительство стесняет деятельность отделения союза во Владимире, так

как союз исполнил требования отдела седьмого указа 4 марта, предоставив своевременно устав [с] правом открытия отделений и регистрации. Союз является закономерно действующим на основании устава, представленного С.-Петербургскому градоначальнику» [9, л. 6, 7].

Губернатор в ответной телеграмме главе правительства вынужден был давать пояснения и оправдываться: «...Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что председателем Владимирского отдела Союза Русского Народа коллежским советником Корякиным (так в документе. – *И. О.*) представлением от 21 марта текущего года... было доведено до сведения Губернатора об открытии во Владимире с 14 февраля сего года названного отдела Союза, при этом представлено было 2 экземпляра устава Союза Русского Народа. Настоящее представление было доложено Владимирскому Губернскому Обществам присутствию, которое, не имея в виду самостоятельного устава Владимирского отдела Союза Русского Народа, а также сведений о регистрации самого Союза, нашло необходимым затребовать от господина Корякина дополнительные сведения о том, утвержден ли устав Союза Русского Народа и, в утвердительном случае, кем, когда и в каком порядке, а также где имеет местопребывание Совет этого Союза, так как в представленном г. Корякиным печатном экземпляре устава поименованных сведений не имеется, каковые сведения и затребованы от г. Коряки-

на 8 мая за № 3446, но ответа до сего времени от него не получено.

Из вышеизложенного Ваше Высокопревосходительство изволит усмотреть, что никакого стеснения со стороны Губернского Начальства в данном случае в деятельности Владимирского отдела Союза Русского Народа делано не было, равно не было об этом никакого заявления и со стороны председателя и членов отдела» [9, л. 7, 7 об.].

Сменивший в июле 1906 г. И. М. Леонтьева на посту губернатора бывший вице-губернатор И. Н. Сазонов, вероятно, изначально относился к правым более лояльно, чем его предшественник. Во всяком случае, когда Шуйскому Союзу русских православных людей негде было проводить свои собрания, именно он предложил Шуйскому уездному предводителю дворянства Н. А. Порошину предоставить Союзу для этих целей помещение общества трезвости [30, № 7]. После раскола СРН на «дубровинцев» и «обновленцев» («марковцев») И. Н. Сазонов, судя по всему, более сочувственно относился к сторонникам А. И. Дубровина, ибо один из них – П. И. Подвизнов – в марте 1913 г. писал председателю Всероссийского Дубровинского Союза русского народа: «Что же касается Владимирской администрации, то она, начиная с Губернатора, по моему заключению, благожелательно относится к моей деятельности по открытию Владимирского губернского отдела» [14, л. 7].

В 1906 – 1909 гг. должность владимирского вице-губернатора испол-

нял А. И. Келеповский, брат С. И. Келеповского, члена Государственной Думы второго и третьего созывов (правая фракция). Политические убеждения последнего яркой эпитафией описал его соратник В. М. Пуришкевич:

Здорово, друг мой Келеповский!
Твой грозный облик, мрачный
вид

Без слов мне молча говорит,
Что пред тобой трепещет жид,
Что ты гроза орды жидовской!

[22, с. IV].

Думается, что и вице-губернатор А. И. Келеповский в какой-то мере разделял черносотенные убеждения своего брата и достаточно благожелательно относился к монархическим организациям, хотя и не афишировал своих симпатий. Во всяком случае в отношении двух других братьев это действовало. Земский начальник Ботовской волости Александровского уезда Б. В. Финне явно благоволил к местному отделу СРН. Уходя с должности, он даже получил от его членов икону святителей Бориса и Глеба и адрес, в котором «союзники» благодарили «земского начальника за его великое сочувствие и любовь к Союзу» [26, № 230]. Его брат, советник губернского правления В. В. Финне, хотя и принадлежал к партии октябристов, также исповедовал правые убеждения и настаивал на теснейшем сближении своей партии с Союзом русского народа [26, № 9].

Наибольшую приверженность монархическим идеям демонстрировали земские начальники. Так, земский начальник 3-го участка Влади-

мирского уезда, статский советник В. М. Карякин возглавлял Владимирский отдел СРН [12, л. 6]. Муромский отдел Союза возглавлял И. В. Ознобишин, занимавший должность земского начальника сначала Ковардицкой, а затем Карачаровской волостей Муромского уезда [21, № 9]. В Ковровском уезде земские начальники 1-го и 2-го участков Н. М. Маньков и Н. В. Култашев входили в совет Ковровского отдела СРН [2, № 52]. По мнению оппозиционных газет, «правых воззрений» придерживался и земский начальник 4-го участка Ковровского уезда Ложкин, переведенный в начале 1912 г. на аналогичную должность в Муром [38, № 43]. От правых баллотировался в Думу и бывший земский начальник Александровского уезда А. П. Коробов [3, № 210].

Среди руководителей низовых организаций СРН в сельской местности встречались волостные старшины. Так, в Александровском уезде подотделы СРН в Ботовской, Рогачевской волостях возглавляли волостные старшины К. А. Кураев и С. И. Курицын [24, № 226] соответственно.

На стороне правых оказались и некоторые предводители дворянства. Н. В. Култашев, после двухлетней службы в должности земского начальника, выйдя в 1910 г. в отставку по состоянию здоровья и получив от крестьян за свою работу икону и адрес [29, № 42], стал уездным предводителем дворянства, по-прежнему пребывая в составе Ковровского отдела СРН [38, № 89]. Суздальский

предводитель дворянства С. С. Рагозин сыграл ключевую роль в создании местного отдела СРН и состоял членом Союза землевладельцев, «одной из бесчисленных монархических организаций», как утверждала оппозиционная газета «Владимирец» [3, № 5]. А «Ковровские вести» вообще писали, что «Суздальский предводитель дворянства «истинно-русский» человек – тип настоящего крепостника – остаток древних времен» [21, № 9]. Явно сочувствовал монархистам меленковский предводитель дворянства Дубенский. Правая пресса выражала сожаление по поводу его перехода на должность управляющего государственными имуществами Пермской губернии. «Большая потеря для нашего уезда и для союза истиннорусских людей», – писал из Меленок корреспондент «Владимирского края» [8, № 8]. Как кандидат от правых позиционировал себя на выборах в III Государственную Думу Александровский уездный предводитель дворянства С. С. Стромиллов [3, № 210]. Владимирского уездного предводителя дворянства А. А. Протасьева либеральные газеты поначалу также относили к монархистам [2, № 76]. Однако он эти слухи опровергал [2, № 78]. Тем не менее А. А. Протасьев по убеждениям был все же правым, хотя и находился на более умеренных позициях, нежели члены СРН. Поэтому спустя несколько лет он попытался создать во Владимире отдел умеренно-правого Всероссийского национального союза [37, № 95].

Однако в целом доля монархистов среди чиновничества была невысокой. Печатный орган СРН газета «Русское Знамя» объясняла это тем, что «в настоящее время выгоднее быть кадюком (кадетом. – *И. О.*), чем «союзником», так как «повсюду маленьких чиновников, примкнувших к Союзу Русского Народа, гонят с мест, преследуют, придираются, обходят наградами» [26, № 144]. Из Мурома сообщали: «Все учреждения у нас в большинстве наполнены, как и везде, кадетствующими чиновниками. Между прочим, полна ими Почтовая контора, где при приеме от Союза Русского Народа денежных переводов на выписку правых газет чиновники обрастают с нашими рассылными грубо и при этом дозволяют себе говорить по адресу Союза и его членов разные насмешки. Да, черносотенцам вообще живется у нас и приходится плохо, везде их теснят, преследуют, везде стараются им вредить и смотрят на них как на хулиганов» [27, № 228].

Правая газета «Владимирский голос» (преемник «Владимирского края») рассказала о таком «преследовании» чиновника-монархиста: «Нам передают, что товарищ прокурора местного окружного суда В. К. Кулибин переводится на службу в Смоленский окружной суд. Нечего скрывать, что перевод этот решен помимо желания В. К. Кулибина и является следствием некоторых «потайных пружин» местного изготовления. В. К. Кулибин открыто исповедовал свои монархические взгляды, и это не

по нутру пришлось некоторым из представителей местного чиновничьего мирка. История этого перемещения ясно свидетельствует, что чиновники и особенно чиновники судебного ведомства могут быть и «кадетами», и даже «эс-эрами», могут открыто заявлять свою враждебность правительству, на службе которого находятся, ругать его, поносить, и это нисколько не отражается на их служебной карьере, но стоит только иному из их мира проявить открыто свое несочувствие революционным бредням и изуверствам, как его ожидают всяческие злоключения и неприятности по службе» [6, № 4]. Спустя четыре месяца на собрании отдела СРН «председатель союза земский начальник В. М. Корякин почему-то излил перед слушателями целый поток жалоб на то, что чиновники, стоящие за Союз русского народа, терпят страшные притеснения и обиды со стороны начальства. Но в доказательство этих жалоб указал только на судьбу г. Кулибина», – писал оппозиционный «Владимирец» [3, № 159].

Муромский корреспондент «Русского Знамени» сообщал, что в городе «был случай привлечения к суду одного черносотенца за то, что он в присутствии жандарма назвал левые газеты революционными». Правда, «благодаря товарищу прокурора (вероятно, В. К. Кулибину. *И. О.*) дело окончилось в пользу черносотенца, но тем не менее доехали его иным путем, уволив от службы из канцелярии съезда сына его, скромного

юношу» [29, № 64]. Вероятно, этим корреспондентом и жертвой жандармского рвения был член Муромского отдела СРН Н. Ф. Гладков, который в июле 1909 г., указав на продавца левых газет Пехова, спросил на вокзале унтер-офицера Соколова: «Почему нашим газетчикам нельзя торговать «Русским Знаменем», а вот ему можно на вокзале торговать революционными газетами?». Мировой судья, усмотревший в словах Н. Ф. Гладкова клевету («ибо Пехов торговал только дозволенными газетами»), отправил его на неделю под арест [28, № 180].

Следующий случай, который можно интерпретировать как «преследование» черносотенцев, попал на страницы газет в 1911 г. В ноябре этого года старший чиновник особых поручений при губернаторе А. П. Высокосов принял участие в учредительном съезде Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, о чем не преминул любезно сообщить «Старый Владимирец» [37, № 269], а в апреле 1912 г. он уже был уволен со службы [38, № 90]. Однако в этом случае правые своего возмущения не высказали, возможно занятые внутренними раздорами вследствие раскола СРН, а возможно, для этой отставки имелись веские причины не политического характера.

Таким образом, за свои правые убеждения во Владимирской губернии от «либеральничающей» бюрократии пострадало не более трех человек: товарищ прокурора окружного суда В. К. Кулибин, переведенный в

другую губернию, сын муромского активиста-черносотенца Н. Ф. Гладкова, потерявший место в канцелярии, и, возможно, старший чиновник особых поручений при губернаторе А. П. Высокосов, уволенный в отставку за участие в монархическом съезде.

В свою очередь либеральные чиновники также жаловались на гонения со стороны уже чиновников-монархистов. Так, «Владимирец» сообщал, что ковровские правые «начинают показывать сквозь бархатные лапки свои цепкие когти. На первый раз они избрали своей жертвой писца городской управы Г. Серегина. Так, на собрании 17 сентября «истинно-русские люди» постановили требовать от городского головы наложить строгое взыскание на Серегина или уволить его со службы. Подобный гнев «союзников» Серегин вызвал тем, что неодобрительно высказался в одной беседе о союзе «истинно-русских» людей. По слухам, городской голова охотно желает исполнить требование гг. «союзников» [2, № 52]. Вероятно, что слухи эти были все же сильно преувеличены, так как в дальнейшем газета к судьбе Серегина не обращалась. Спустя три года «Старый Владимирец» сообщал, что губернатор не утвердил новоизбранный состав Ковровской земской управы. Причиной назывались козни бывшего председателя управы В. А. Шелепова и земских начальников – членов СРН Н. В. Култашева и Н. М. Манькова [36, № 232].

Как видим, жалобы чиновников на притеснения по политическим

мотивам с обеих сторон (и либеральной, и монархической) носят единичный характер, что свидетельствует об отсутствии острого партийного противостояния в управленческом аппарате губернии.

Церковная иерархия во Владимирской губернии так же, как и чиновничество, не отличалась идеологической монолитностью. Бюрократизация Православной церкви, достигшая пика в период пребывания К. П. Победоносцева на посту обер-прокурора Св. Синода, сложное материальное положение приходского духовенства, проникновение революционных идей в стены семинарий – все это не могло не повлиять на политические убеждения священников, многие из которых не скрывали своего сочувствия к освободительному движению. Так, в начале 1906 г. земский начальник Меленковского уезда сообщал владимирскому губернатору, что «священник Николай Осипович Кантов 18 декабря прошлого года в церкви произнес поучение по какой-то книге». Существа этого поучения слушатели не поняли, но «крестьянам показалось оно настолько неблагоприятно по отношению к правительству, что крестьянин Федор Савельев Бабанкин спросил его, что это за книга, разрешена ли она правительством или Синодом, но священник, не дав ответа, продолжал уже поучение без книги» [10, л. 49]. Настоятель приходской церкви сел Круглышево и Успенское Александровского уезда Владимирской губернии о. Иоанн Преображенский

был еще радикальнее. Вместе со своим сыном-студентом они «уговаривали крестьян восстать с оружием в руках для ниспровержения государственного строя и низложения Государя Императора, а также подстрекали народ к захвату соседних частновладельческих имений» [11, л. 2, 6 об.].

Неудивительно, что многие священники не скрывали своего отрицательного отношения к монархическим организациям. В июне 1906 г. «Клязьма» с удовлетворением сообщала, что «уважаемый и просвещенный священник с. Орехова» Покровского уезда отказался дать свое пастырское благословение «группе местных обывателей», которым, «конечно, не без давления свыше... пришло было на ум учредить патриотическое общество в обычном реакционно-черносотенном духе». Отказ был мотивирован «тем, что подобные общества по своим целям противоречат высоким христианским принципам» [19, № 136]. А «Владимирец» с не меньшим удовольствием писал, что Владимирский архиепископ Николай отказал местному отделу СРН в освящении знамени и запретил размещать его в соборе (правда, «Владимирский край» в ответ немедленно заявил, что «Владимирский отдел союза русского народа не обращался с подобной просьбой к архиепископу Николаю, а потому получить от него отказа не мог») [7, № 32]. В Шуйском уезде священник села Златоуст о. Василий Орлов, по словам монархистов, вообще «проповедует конституцию» [30, № 124].

Неприятие правых организаций было заметно и на уровне епархиальной иерархии. 20 декабря 1905 г. на собрании в доме Владимирского архиепископа Николая были зачитаны воззвание и программа монархического «Союза русских людей при Могилевском Богоявленском братстве», присланные «с целью распространения его среди духовенства Владимирской епархии, которое приглашается к деятельной пропаганде союза среди крестьянского населения». Однако собрание «высказалось против привлечения духовенства к политической агитации с узкой партийной программой. – Пастыри церкви... должны стоять вне политических партий и вне партийной агитации». Да и сама партийная программа, несмотря на то что содержала такие положения, как «возвеличение единой православной церкви в истинно-христианском и апостольском ее призвании» и «укрепление монархической самодержавной власти на Руси», подверглась жесткой критике [4, с. 16, 17].

Еще один случай подтверждает весьма настороженное отношение владыки Николая к монархистам. В октябре 1906 г. делегаты от Владимира на III Всероссийском съезде русских людей пригласили одного из основателей СРН и давнего друга его председателя, игумена Воскресенского монастыря Новгородской епархии Арсения, выступить перед владимирскими правыми. Однако для подобного выступления требовалось благословение архиепископа Николая.

«И вот депутация от сказанного союза во главе с «лидером» их Байкусовым – торговцем рыбой и кожевником Свешниковым отправилась 20 числа сего ноября в апартаменты архиепископа Николая, чтобы получить иеромонаху Арсению благословение и разрешение выступить оратором на собрании». Однако депутация получила отказ и выступление игумена Арсения не состоялось [2, № 99].

Еще более оппозиционными были настроения семинаристов. Например, учащиеся Владимирской духовной семинарии 8 марта 1906 г. «обратились к о. Ректору семинарии с просьбой отслужить панихиду о казненном Шмидте». Епископ Никон разрешил, «но не как по героическому мученику, а как по человеку, для которого молитвы церкви особенно нужны, который тяжко согрешил в последние годы и дни своей жизни». При этом на панихиде должны были присутствовать только семинаристы. Однако несмотря на запрет, на богослужение пришли гимназисты и гимназистки, что вызвало недовольство духовного начальства. «Тогда семинаристы с флагами, на одном из которых, красном была надпись: “Да здравствует свобода”, а на другом, черном: “Долой смертную казнь” вышли из зданий и с пением остановились недалеко от Красной церкви». Подоспевшая полиция отняла у манифестантов (всего около 100 человек) флаги и арестовала пятерых семинаристов (впоследствии они были отпущены по ходатайству епископа Никона) [5, с. 168].

Правые недоумевали: «... Русское духовное сословие является одновременно и носителем неискаженного апостольского вероучения, и представителем подлинного великорусского племени. Ни в одном русском сословии, сколько-нибудь культурном, не сохранилась та чистота, та беспримесность великорусской крови, которою может гордиться сословие духовное. Гапоны, Петровы – Бог их знает откуда взялись. Южно-русские и северо-западные священники также могут возбуждать сомнения относительно чистоты крови (особенно из бывших униатов). Но нашим-то, коренным, следовало бы послушаться голоса крови и отвести слух от “кадетской” болтовни» [8, № 8].

При этом монархисты стремились убедить общественность, что церковь на их стороне, для чего намеревались разместить свои партийные знамена в православных храмах. Однако понимания местных иереев в этом вопросе они не встречали. Характерный эпизод произошел в Шуе. Вот как об этом повествуют либеральные «Ковровские вести»: лидер местных монархистов М. К. Петров по случаю годовщины основания Шуйского союза русских православных людей (ШСРПЛ) предложил устроить празднество, по окончании которого знамя Союза «предполагалось торжественно внести в собор и там поставить его на хранение». «Чтобы осуществить эту кощунственную затею, Петров обратился непосредственно к местному

архиерею, которого ввел в заблуждение уверением, что «народ» этого требует». Архиерей дал свое согласие, однако «духовенство оказалось в затруднительном положении: ему было хорошо известно, что никакого «народа» тут нет», и «предложило городской думе разобрать это дело и вынести соответственное решение». Члены думы, за исключением пяти человек, заявивших «себя таким образом сторонниками черной сотни», высказали «единодушное негодование по поводу наглых домогательств Петрова; постановку черносотенного знамени в церкви признали делом совершенно недопустимым». Правда, монархистам все же разрешили поставить знамя «в старой церкви, в которой не совершается богослужений» [20, № 2].

Правые вынуждены были уступить – 17 декабря 1906 г. знамя было поставлено не в главном городском соборе (Воскресенском), знаменитом своей 106-метровой колокольной, а в маленькой Николаевской церкви. Однако, сетовали правые, «крамольники в городской управе вместе с жидами во главе городского головы Китаева» не сдались и ходатайствовали перед духовной консисторией «об отказе союзу в просьбе о поставке знамени союзу в соборном храме и участию знамени в городских крестных ходах». Ходатайство это было «уважено», и уже на следующий день после установки знамени – 18 декабря – решение было сообщено «союзникам» извещением Владимирской духовной консистории от

1906 г. за № 16379. В связи с такой позицией консистории М. К. Петров от имени ШСРПЛ обратился к архиепископу Николаю, заявив, «что знамя союзу не может быть исторгнуто из храма до разрешения вопроса о сем в Святейшем Пр. Синоде и соизволения Его Императорского Величества». При этом монархисты просили архиепископа Николая сообщить, «кто именно в консистории участвовал из лиц при разрешении вышеозначенного вопроса» [2, № 119].

По сообщению правого «Ивановского листка», Святейший Синод в этом споре стал на сторону монархистов и «не только не позволил освященное знамя союзу вынести из храма, но и предложил в нем совершать богослужения (зимой храм не отапливается, а потому служба в нем не совершается)». Более того, газета утверждала, что «Синод храм этот отдает союзу русских людей» и «ввиду сего председатель партии союзу русских людей г. Петров отправился в Петербург» [16, № 36]. В конечном итоге «союзники» к лету 1907 г. одолели сопротивление городской думы и получили разрешение на перенесение своего знамени в Воскресенский собор Шуи. Однако этому воспротивился уже его настоятель протоиерей о. Павел Светозаров, отказавшийся, как сообщало «Русское Знамя», отслужить в церкви молебен за здоровье государя, «найдя это невозможным и неудобным во время постановки знамени Союза согласно распоряжению Св. Синода» [30, № 124].

В других населенных пунктах Владимирской губернии монархисты также встречали препятствия в своем стремлении разместить партийные знамена в храмах. Например, в Орехово-Зуеве члены СРН на добровольные пожертвования приобрели знамя-хоругвь и обратились к местному протоиерею о. Ф. Загорскому за разрешением разместить его в храме. Однако последний «отказал без разрешения архиерея» [3, № 216]. В Иваново-Вознесенске «распоряжением Владимирского архиерея с хоругви, пожертвованной “монархистами” в Крестовоздвиженскую церковь, снята лента с надписью об исполнившейся годовщине поездки в Петербург депутации от «самодержавно-монархической партии» [3, № 51]. Ивановские монархисты были «страшно смущены распоряжением Владимирского преосвященного», подчеркивая, «что на других хоругвях ленты с надписью, от кого и в память чего они пожертвованы храму, допускаются». Для жертвователей же хоругви Крестовоздвиженской церкви, возмущались они, «почему-то сделано исключение» [8, № 54]. «Владимирец» писал по этому поводу: «Архиепископ провинился в глазах “истинно-русских людей” тем, что оберегая святыню храма, неблагоклонно относится к постановкам в церквах их знамен» [3, № 212].

Центральный орган Союза русского народа опубликовал жалобу владимирских черносотенцев на архиепископа Николая: «Почти из всех мест, где имеются отделы Союза, по-

лучаются известия, что местный преосвященный относится к отделам очень недружелюбно. Какие основания имеет архипастырь так относиться к союзному знамени, как это было в последнее время? Если бы постановка знамен в храмах была противна правилам церковным, то не ставили бы знамен в храмах с давних времен, как, напр., Чудов монастырь в Москве, Казанский собор в Петербурге и др. местах» [26, № 212].

Такое давление вынудило преосвященного смягчить позицию, и кое-где правым удавалось добиться своего. В частности, в Коврове знамя отдела СРН помещалось в союзной чайной. «Однако такое место союзники почему-то нашли для него непристойным и несколько раз обращались к архиепископу за разрешением поставить его в одной из церквей, но получали отказ». Тем не менее черносотенцы не сдавались, и архиепископ, получив очередное ходатайство, снабженное эскизом союзного знамени, уступил, передав вопрос на усмотрение местного причта. Не без помощи «агента влияния» правых — члена СРН священника о. Парвицкого — соглашение было достигнуто, и, как сообщал «Владимирец», «союзническое знамя будет поставлено в старом соборе около свечного ящика» [3, № 220].

Однако этот случай все же был единичным. Поэтому летом следующего года Областной Совет Шуйско-Ивановского отдела СРН выступил с предложением 17 августа 1908 г. «собрать Губернский съезд из пред-

седателей и уполномоченных отдела СРН Владимирской губернии». Первым вопросом в повестке этого форума значилось «ходатайство поставить в храмах союзные знамена и ношение их в крестных ходах» [24, № 370]. Правда, съезд этот так и не состоялся.

Причиной антипатии духовенства к правым партиям монархисты считали давление на них со стороны оппозиционной общественности. Либеральный «Владимирец», например, регулярно сообщал о священниках, сочувствующих правым. В декабре 1906 г. газета писала, что в деревне Черкутино (на родине выдающегося политического деятеля первой половины XIX в. М. М. Сперанского) «местный священник о. П., известный реакционными проповедями, продолжает подносить прихожанам свои черносотенные изделия» [3, № 108]. В апреле следующего года на страницы «Владими́рца» попал священник села Кошелево Покровского уезда, на праздничных проповедях говоривший «о том, что люди выдумали теперь партии какие-то модные клички, которые присваивают себе. Одна должна быть партия – истинно русских людей» [3, № 80]. В феврале 1909 г. «Старый Владимирец» писал о «скандале, произведенном местными Пуришкевичами» на заседании членов общественной библиотеки г. Гавриловский Посад (ныне – г. Гаврилов Посад), – трое членов общественной библиотеки «и между ними о. Пимен Киселев восстали против выписки прогрессивных жур-

налов “Русского богатства”, “Современного мира» и др. ...” Однако, как с удовлетворением сообщает газета, «присутствующие были возмущены выходкой “истинно-русского” отца и прокатили его при избрании в совет библиотеки» [36, № 338].

Порой это давление переходило в прямое насилие. Так, правый «Владимирский край» в ноябре 1906 г. сообщал, что только в Меленковском уезде жертвами политического террора стали четыре священнослужителя: в ночь на 22 октября сгорели от поджога дома священника и дьякона в с. Синжанах; 23 октября в с. Драчеве сожжен дом священника о. Василия Генерозова, священник и его жена погибли; в период набора новобранцев разбиты окна в доме священника в с. Бутылицах. А священник с. Малышева, «который читает сам и иногда дает прихожанам читать [монархическую] газ. “Колокол”», получил «довольно загадочный пакет, со вложением части газеты “Колокол”, изображения на бумаге топора и 5 семикопеечных марок» [7, № 5]. В этом свете регулярные «разоблачения» черносотенных священников на страницах газеты «Владимирец» выглядят уже не столь безобидными.

В 1905 – 1907 гг. среди духовенства немногие готовы были противостать такому давлению. Один из них, член Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии (отдела СРН) настоятель Крестовоздвиженского храма о. В. Т. Никольский, заявлявший, «что лично он

предан исконным русским началам и «без всякого стыда» причисляет себя к разряду «истинно-русских людей». Ему не зазорна кличка «черносотенец». Он советовал и другим не бояться этого названия и продолжать служить умиротворению родины «не за страх, а за совесть» [8, № 9]. Упоминавшийся выше соборный священник Рождественского храма г. Коврова о. Иоанн Парвицкий являлся членом местного отдела СРН со дня его основания (27 августа 1906 г.) [25, № 227]. Избранный в III Государственную Думу от Владимирской губернии священник о. А. Г. Знаменский [3, № 226] присоединился к фракции умеренно-правых, а с 3-й сессии – к русской национальной фракции [1, с. 31]. Членом Владимирского отдела СРН являлся священник церкви Архангела Михаила о. П. В. Ильинский [35, № 41; 38, № 199]. Как видим, лишь несколько представителей духовенства Владимирской епархии открыто встали на сторону правых.

Еще одной причиной отчуждения православного духовенства от монархических организаций, по мнению правых, была позиция Св. Синода, не одобрявшего участия священников в деятельности политических партий. Так, в начале марта 1908 г. орехово-зுவские монархисты просили председателя СРН А. И. Дубровина приехать к ним: «По нашему мнению, Ваше личное присутствие среди нас и добрые советы Ваши много повлияли бы на наше духовенство, которое говорит, что Святейший Синод

не позволяет вступать ни в какие партии» [27, № 60].

Во второй половине марта 1908 г. Св. Синод пошел на уступки монархистам и своим решением предоставил право «епархиальным преосвященникам по ближайшему их усмотрению разрешать и благословлять участие подведомственного им духовенства в деятельности союза русского народа и других монархических патриотических обществ, если уставы и деятельность таковых обществ остаются в согласии с установлениями православной церкви и ее иерархии и служат ко благу отечества нашего» [27, № 69].

Вероятно, изменение позиции Св. Синода повлияло на настроения духовенства. Так, 29 августа 1908 г. в проведении патриотической беседы в с. Горки Ковровского уезда приняли участие два священника – о. Иоанн Сокольский и о. Леонид Смирнов. Корреспондент «Русского Знамени» писал по этому поводу: «Вот наконец-то увидели наши союзники и духовных лиц, желающих прийти на помощь Союзу». Примечательно, что автор заметки утверждал, будто «это первые откликнувшиеся пастыри из всей Владимирской губернии» [27, № 212]. На праздновании второй годовщины создания Муромского отдела СРН 22 февраля 1909 г. присутствовал местный преосвященный vicарный епископ Евгений, который работал одновременно почетным председателем отдела. На этом собрании духовенством местного собора был отслужен молебен [28, № 59].

Имеются сведения о том, что в Иваново-Вознесенске священник о. Иаков Беляев и диакон В. А. Владычин вели духовно-нравственные беседы, организованные местной Самодержавно-монархической партией [17, № 66] (интересно, что законоучитель Мальцовского училища священник А. А. Владычин, вероятно брат В. А. Владычина, придерживался более умеренных взглядов и поддерживал октябристов [8, № 17]). В 1911 г. в состав комитета ШСРПЛ входил диакон А. Ильинский [30, № 102].

Однако правые продолжали жаловаться на отношение к ним со стороны православного духовенства. На собрании Владимирского отдела СРН 26 января 1909 г. его председатель В. М. Карякин прочел корреспонденцию из «Русской земли», в которой говорилось, «что духовенство Владимирской епархии как сельское, так и городское не сочувствует правым монархическим организациям» [36, № 23]. Пребывание священников в рядах монархистов по-прежнему было скорее исключением, чем правилом. Поэтому, когда Ярославский отдел СРН в начале 1911 г. обратился ко всем сторонникам правых партий с воззванием «Братья союзники», в котором призывал избирать руководителей союзных отделов из числа местных священников, дабы объединить русский народ «вокруг святой Матери – Православной Церкви – этого корня, на котором только и утверждается целостность и жизненность Русского Государства» [23, с. 99], шуйские монар-

хисты через газету «Русское Знамя» напомнили ярославцам реалии Владимирской губернии: «Наш Владимирский архиепископ Николай не велел ставить знамена Союза в церкви, несмотря на разрешение Святейшего Синода... Священники – не в Союзе, отказываются служить даже молебны о Царе...». В таких условиях, полагали они, «совет ваш хотя и христианский, но не вместен для всех, ввиду разных взглядов архиереев, различия их архиерейских убеждений» [30, № 64].

В 1912 г. немногочисленные ряды правых священников несколько укрепились – из Киева во Владимирскую епархию был переведен архимандрит Адриан, возглавлявший на прежнем месте служения Киевский железнодорожный отдел СРН [31, № 105]. С марта 1912 г. в Орехово-Зуево духовно-нравственные чтения под эгидой местного отдела СРН проводил протоиерей о. Василий Рождественский [31, № 51]. Кроме того в ряды Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии вступил священник Крестовоздвиженского храма о. Александр Охотин. «Неожиданное появление на собрании монархистов о. Александра, как лучшего здесь проповедника и наставника, сильно приподняло настроение у союзников», – писал в связи с этим событием «Ивановский листок» [18, № 54]. Сам о. Александр по поводу своего шага заявил следующее: «К нам приходили кадеты и октябристы с предложением присоединиться к ним, и я был уверен найти справедливое отношение в де-

ле строения государства у октябристов, но когда узнал из газет, что в Государственной Думе они потерпели полное поражение, то я решил, что самое справедливое отношение существует лишь среди Союза Русского Народа, к которому я открыто присоединяюсь» [18, № 53].

В сентябре того же года в ходе избирательной кампании в IV Государственную Думу несколько участвовавших в ней владимирских священников заявили о своих правых убеждениях. В Суздале это был о. Николай Сперанский («примыкает к умеренно-правым», уточнял «Старый Владимирец») [38, № 215], в Александрове – о. Соколов, в Ковровском уезде – священники сел Лежнево и Воскресенское о. Капащинский и о. Крылов соответственно [38, № 214]. В ноябре 1912 г. открытие отдела ВДСРН в Ворше благословил священник с. Устье о. М. Царицын [31, № 270]. При открытии Владимирского отдела ВДСРН в марте 1913 г. «молебен служил священник из села Богослово, пел хор певчих из села Устье, приехавших за счет Варшавского (правильно: Воршинского. – *И. О.*) отдела Всероссийского Дубровинского Союза Р. Н.» [32, № 67].

13 июля 1914 г. скончался столь нелюбимый владимирскими монархистами архиепископ Николай (Н. А. Налимов). 30 июля его место занял Алексей (А. Я. Дородницын), не скрывавший своих монархических взглядов. С его приходом на Владимирскую кафедру настроения мест-

ного духовенства изменились. Уже 17 августа на собрании отдела СРН с. Поддыбье Шуйского уезда молебен служил о. Григорий Колоколов [33, № 184], который ранее, как жаловались монархисты, отказывался «служить молебен о здравии Государя Императора по просьбе “союзников”», и он же, о. Колоколов, в Царские и высокаторжественные дни не совершает богослужения, о чем донесено в Св. Синод». Кроме того Колоколов, сообщали «союзники», «укрывает крамольника Логинова» [30, № 124]. Завершилась и длительная борьба шуйских монархистов с местным духовенством за возможность размещать свои знамена в православных храмах. «...Новый владимирский архипастырь взял на себя ходатайство перед Священным Синодом о том, чтобы хоругвь-знамя Шуйского союза поставлено было в храме на видном месте и участвовало бы в крестных ходах». Хранилось оно отныне без чехла в развернутом виде. «Это произвело такое влияние на “союзников”, что все мы решительно молитвенно благодарим Господа, даровавшего нам такого владыку», – писали шуйские монархисты [33, № 288]. 14-го декабря 1914 г. на заседании, посвященном 9-й годовщине создания ШСРПЛ, шуйские «союзники» избрали архиепископа Владимирского и Суздальского Алексея почетным членом организации. Алексей в ответ заявил, что «он охотно приемлет на себя звание почетного члена Союза русских православных людей в городе Шуе и призывает Божье благосло-

вение на деятельность Союза в духе истонных начал русской жизни: Самодержавия, Православия и Народности» [34, № 14].

В дальнейшем межпартийные конфликты отошли на второй план как в силу широкого патриотического подъема, охватившего с началом мировой войны широкие массы, так и по причине призыва в армию многих партийных активистов. Резкое нарастание конфликтности политического процесса, наблюдавшееся с осени 1916 г., проходило уже без участия правых, деятельность которых к этому времени практически прекратилась.

Таким образом, к созданию и деятельности монархических организаций во Владимирской губернии местная администрация и церковная иерархия прямого отношения не имели. Более того, с момента своего создания правые партии в губернии

наталкивались на достаточно прохладное отношение со стороны представителей власти и большинства священнослужителей, не разделявших монархические идеи. Были случаи, когда администрация и церковь даже оказывались на стороне оппонентов правых организаций, что, безусловно ослабляло влияние монархистов в народных массах, религиозность и верноподданность которых на тот момент были еще достаточно высоки. Количество священнослужителей и чиновников, вступивших в ряды правых организаций, исчислялось единицами. В то же время нет оснований говорить и о каком-либо целенаправленном преследовании монархистов со стороны местной администрации или церковной иерархии. Подобные случаи также носили единичный характер и были личной инициативой должностных лиц, обусловленной их политическими предпочтениями.

Библиографические ссылки

1. Боиович М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв 1907 – 1912. М., 1913.
2. Владимирец. 1906.
3. Там же. 1907.
4. Владимирские епархиальные ведомости. 1906. 7 янв. № 1. Отд. неофиц.
5. Там же. 11 марта. № 10. Отд. неофиц.
6. Владимирский голос. 1907.
7. Владимирский край. 1906.
8. Там же. 1907.
9. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 2797.
10. Там же. Оп. 5. Д. 1478.
11. Там же. Д. 1884.
12. Там же. Оп. 4. Д. 3734.

13. Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595.
14. Там же. Д. 89.
15. Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997.
16. Ивановский листок. 1907.
17. Там же. 1910.
18. Там же. 1912.
19. Клязьма. 1906.
20. Ковровские вести. 1906.
21. Там же. 1907.
22. Мирный Труд. 1907. № 5.
23. Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 94 – 110.
24. Русский народ. 1908.
25. Русское знамя. 1906.
26. Там же. 1907.
27. Там же. 1908.
28. Там же.. 1909.
29. Там же. 1910.
30. Там же. 1911.
31. Там же. 1912.
32. Там же. 1913.
33. Там же. 1914.
34. Там же. 1915.
35. Старый Владимирец. 1908.
36. Там же. 1909.
37. Там же. 1911.
38. Там же. 1912.
39. Там же. 1912.

I. V. Omeliyanchuk

**RIGHT-WING PARTIES, GOVERNMENT
AND CHURCH IN 1905 – 1914 YEARS
(CASE-STUDY: VLADIMIR PROVINCE)**

The article examines the relationship between monarchist parties, the authorities and the Orthodox Church in Russia in 1905 – 1914 using Vladimir province as a case-study.

Keywords: Vladimir province, monarchist parties, provincial administration, Orthodox Church.

**СТАРОЕ В НОВОМ, НОВОЕ В СТАРОМ.
МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

В данной статье анализируется нравственное состояние российского общества в начале XX в. как один из важнейших компонентов революционных событий 1917 г. Автор приходит к выводу о том, что наряду с влиянием социально-экономической ситуации кризисный характер развития российского социума после Февральской революции, свидетельством которого в том числе являлось снижение его нравственного порога, во многом был подготовлен предшествующим развитием страны и ментальными особенностями русского народа. Именно эти факторы в значительной степени определяли векторы эволюции России и риторику ее политических лидеров.

Ключевые слова: революция, менталитет, нравственность, народ, власть, кризис, самодержавие.

Изучение психоментальной составляющей исторического процесса является современным трендом отечественной историографии. Обращение к ней особенно важно при анализе кризисных и прежде всего революционных этапов развития. Применительно к России этот общий методологический постулат актуализируется сравнительно-историческим анализом состояния европейского сообщества в условиях Первой мировой войны. Специалисты указывают на равное, если не большее негативное влияние войны на внутреннее положение во многих воюющих странах. Вместе с тем именно в России социальные потрясения приняли наиболее экстремальные формы и привели к переформатированию общественных отношений, что выдвигает изучение социокультурных и ментальных па-

раметров российского общества в начале XX в. в число исследовательских приоритетов.

Российская общественность восторженно встретила Февральскую революцию «как избавительницу, долгожданную великую радость, как первый весенний день после долгой и мрачной зимы», повсеместно отражая «чудесную легкость и безболезненность, с которой свершился переворот». На стороне нового строя оказалась не только физическая, военная сила, но и моральная. Преданные, казалось бы, слуги династии, спешившие в Таврический дворец, чтобы засвидетельствовать свое отречение от прежнего, создавали обстановку полной психологической изоляции старой власти. Восприняв как должное Манифест об отречении Николая II от престола, российская пресса вос-

торженно констатировала: «Поразительно, как бесславно погибло старое, некогда священное царство – у него не нашлось ни одного рыцарского защитника!» [21, с. 6].

Столь единомудушный национальный порыв и последовавшие за ним события были в значительной степени обусловлены качественными изменениями в сознании российского общества, имевшими место в начале XX столетия.

В ходе революционных событий 1905 – 1907 гг. дух насилия охватил страну. О массовом характере террора со стороны революционных партий свидетельствовал тот факт, что за несколько месяцев 1906 г. от террористических актов погибли и были ранены 1921 человек, включая 34 губернатора и генерал-губернатора [2, с. 291]. Ряд исследователей именно к этому периоду относят возникновение «безмотивного анархического террора против буржуазии вообще». И хотя определение террора как «безмотивный» достаточно спорно, он действительно становится реальной чертой общественной жизни. Типичный пример подобных действий – забастовка на Чермоозском заводе Пермской губернии 23 ноября 1905 г., когда тысячная толпа водила переодетого в лапти главноуправляющего по улицам, «стращала погрузить его в прорубь» и, приведя в волостное правление, силой заставила подписать соглашение об увеличении заработной платы, избив при этом двух заводских служащих [4, с. 821].

Многочисленными актами насилия отмечены и действия сторонников монархических организаций. Не случайно в 1910 г. Л. Толстой писал: «Вандалы уже вполне готовы у нас в России, и они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как это ни странно кажется, глубоко религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие каких-либо сдерживающих начал... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается...» [23, с. 292].

На страницах публицистических изданий заговорили о «хулиганстве» в деревне, отмечая при этом, что учитель сделался первым объектом «деревенских шуток», а интеллигенция – объектом ненависти. Многие современники свидетельствовали о быстром нравственном разложении масс: распутстве, воровстве, пьянстве, сквернословии, ослаблении традиционного уважения к старшим, зависти и растущей склонности к дармовщине.

Подобные проявления нравственной инверсии, затронувшей глубокие пласты общественного сознания, в значительной степени проистекали из капиталистической модернизации, которая привела к атомизации и деструктурированию социума, основой и хранительницей которого

была крестьянская поземельная община. Россия, встав на путь модернизации, связанной с масштабной и болезненной ломкой традиционных социальных структур, переживала в начале века интенсивные процессы маргинализации, социально-психологическими последствиями которой стало массовое распространение в обществе агрессивно-насильственного типа политической культуры с ярко выраженной тенденцией к деструктивности.

Психологическому перерождению общества способствовало падение авторитета монархии и церкви. Мистическое обожание монарха стало меркнуть после Русско-японской войны 1905 г. и внутривластных событий 1905 – 1907 гг. На протяжении 1905 – 1906 гг. крестьяне повсеместно выступали с антицаристскими речами: «Нас, крестьян, правительство сжало, а виною всему – дом Романовых», «Государь продал Россию Японии», «Романовы за 300 лет ничего не сделали для крестьян, а князья лишь пьянствуют, нам надеяться не на что, а брать надо все силой...» – говорили они. Лозунг свержения самодержавия приобрел тогда массовую поддержку. Важную роль в этом сыграл наблюдавшийся рост утилитаризма, определявшего взгляд на царя и его двор как на дармоедов и тунеядцев. Однако в массовом сознании продолжало доминировать традиционное для российского общества стремление отделить царя от продажной свиты и преступлений правительства. К началу 1917 г., когда

остатки лояльной преданности династии утонули в стихии распутинщины, патриотическое негодование и неспособность монархии стоять на высоте задач обороны сделали объективно невозможным ее дальнейшее существование. Отчет отдела по сношению с провинцией, образованного при Государственной Думе, сообщал, что распутинская история стала достоянием общественности в самых дальних углах России, и крестьяне обыкновенно говорят: «Царь-то до чего себя довел! И нас разорил вконец» [12, с. 35].

Многочисленные документы свидетельствуют о неудержимом росте антимонархических настроений как в центре, так и в провинции. Прокламации, воззвания, агентурные сведения местных жандармских управлений, анонимные доносы, донесения, материалы дознаний по обвинению в преступлениях, предусмотренных второй частью 103-й статьи Уголовного уложения, – все эти источники, обличая зависимость монарха от «безответственных темных сил и старцев», обвиняли правительство в желании проиграть войну и заключить позорный мир. Основной мотив вышеуказанных документов – «Долой самодержавие!».

Рассуждая о пошатнувшемся в сознании населения авторитете русской православной церкви, генерал А. И. Деникин писал, что еще до революции налицо был тот факт, что поступающая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно [10, с. 79]. Ли-

тература тех лет, наполненная признаниями об утрате народной веры, констатировала, что «приход мертв». Потеря религиозной этики способствовала принятию этики революционной.

Катализатором господствовавших в обществе настроений всеобщего недовольства и психологической подавленности явилась Первая мировая война. Экстремальные условия тяжелой войны и экономического развала внесли существенные изменения в сознание россиян, девальвируя православную национально-патриотическую идею. «К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, царя, теряет быт и нравственные устои. Он максимально беспочвенен, но и максимально безыдеен», – писал выдающийся философ Г. Л. Федотов [24, с. 98 – 99]

Война, придавшая массам ощущение временности, шаткости и непрочности существования, культивировала уже широко распространенное в обществе стремление к анархии, жестокости и насилию. Уставшие от войны, изуродованные ее нравами солдаты, в большинстве своем крестьяне, превратились в крупный маргинальный слой российского общества. Жестокая логика войны, вооружив и ужесточив массы, способствовала укреплению инверсионной логики, порождавшей черное видение мира и способность субъекта оперировать лишь готовыми культурными образцами, не выделяя в явлении его отдельных элементов.

Настроение предельного отчаяния и озлобления широких слоев

населения России стало отчетливо проявляться в январе-феврале 1917 г. в связи с надвигающимся голодом. В докладе Охранного отделения от 5 февраля говорилось: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями... Никогда еще не было столько ругани, драк и скандалов, как в настоящее время, когда каждый считает себя обиженным и старается выместить свою обиду на соседей» [7]. Начальник Пермского жандармского управления с тревогой сообщал в Департамент полиции в январе 1917 г.: «Умы встревожены, недостает лишь толчка, дабы возмущенное дороговизной население перешло к открытому возмущению» [15, с. 232].

Отражением этих настроений стали открытые стихийные выступления на продовольственной почве в конце 1916 – начале 1917 гг. Типичны события в Оренбурге, где массы возмущенных людей, главным образом женщин и подростков, разгромили несколько магазинов. При этом они забросали камнями вызванных казаков, которые открыли по толпе огонь и арестовали 200 человек [6].

Психологическая расшатанность российского общества к началу 1917 г. обусловила адекватную реакцию россиян на февральские события. В целом же изменения в массовом сознании, вызванные процессом маргинализации социума и закрепившиеся в

ходе Первой мировой войны, заключали в себе мощный деструктивный заряд, разорвавшийся после Февральской революции.

О росте анархических, бунтарских настроений в массовом сознании российского общества под влиянием политических, социально-экономических, международных событий послефевральской России в различной идейно-политической транскрипции написано много и современниками, и отечественными и зарубежными историками, что освобождает нас от необходимости их пересказывать. Гораздо больший интерес для анализа альтернатив развития революционной России представляют ментальные параметры данного процесса, которые были сформированы в веках российской истории. Их рассмотрение показывает, что зигзаги российской истории в 1917 г. во многом были обусловлены именно ими. К их числу мы бы отнесли следующие автоматизмы сознания социальных низов, которые определяли их поведенческие стереотипы.

Одна из несущих конструкций российского менталитета, по мнению всех исследователей, – его способность к длительному многотерпению. Его обратная сторона – концентрация энергии социального взрыва, которая, доходя до критической массы, приводила к мощным социальным потрясениям, нередко принимавшим крайние формы, превращаясь в стихию тотального отрицания, бессмысленный и беспощадный русский бунт. В результате одна

крайность порождала другую. Длительная пассивность и смирение выплескивались в конце концов в различные формы экстремизма, анархии, безудержного разгула и разрушения основ бытия, как это было в начале XX в.

Определяющий, базовый компонент политической психологии русского человека – его государственность. Потребность в сильном государстве противоречиво сочеталась с общим равнодушием к власти. Эту особенность в 1859 г. сформулировал К. С. Аксаков: «Правительству – неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу – полная свобода жизни и внешней и внутренней, которую охраняет правительство [1, с. 92]. Отчуждение масс от политики привело к эффекту «двойного дна» сознания, для которого были характерны внешняя лояльность при внутренней оппозиции или равнодушии, максимальная приспособляемость к любой, даже непопулярной и чужеродной власти, генетическое недоверие к государству и его институтам и, как это ни парадоксально, слабая укорененность идеи государственной власти вообще, от которой, по большому счету, требовалось только одно – не мешать жить по-своему. Характеризуя эту особенность русского диалога власти и общества, А. М. Горький писал о многовековой мечте русских крестьян о «каком-то государстве без права влияния на волю личности..., о государстве без власти над человеком» [5, с. 21].

Отношение масс к государству отличал также сугубо прагматический, потребительский подход. Говоря об этом, российская пресса отмечала в 1917 г., что «с первых дней революции все – и рабочие, и крестьянство, и мещане требуют от правительства – дай» [16]. Очень емко и точно его отражает такая своеобразная энциклопедия народного менталитета, как пословицы и поговорки. Квинтэссенция потребительского отношения к государству сформулирована в ней по принципу «Казна – бочка без дна, и не доит ее только ленивый», «Государева казна – не убогая вдова, ее не обберешь, всем достанется».

Другой вариацией упрощения социальной реальности, тесно связанной с универсальной социально-психологической оппозицией «мы – они», стал комплекс поиска врагов, который стал устойчивым компонентом массового сознания. С известной долей условности образ врага можно считать заложенной в человеческой природе, биологически обусловленной чертой социальной психологии и универсальным средством мобилизации масс, особенно в кризисных ситуациях.

В России эффективность риторики врага и массовый характер тиражирования его различных образцов и образчиков были связаны с инерционно-мобилизационным типом развития в рамках догоняющей модернизации, социокультурным разрывом общества, дефицитом общепринятых ценностей, внутренних ду-

ховных скреп, которые связывали различные части социума в единое целое. Постоянно переживаемый вследствие этого комплекс национальной или социальной неполноценности компенсировался агрессивностью, демонстрацией силы, ориентацией на поиск врагов и закреплял эти установки массового сознания в качестве социально-политических стереотипов.

При этом враг становился не только фактором мобилизации и сплочения общества, но и фундаментальной основой его внутренней организации. В конечном счете можно говорить о превращении этого социально-психологического механизма в одну из черт российской ментальности, которую специалисты определяют понятием судейского комплекса, и формирования «стрелочного» сознания на всех этажах социальной лестницы российского общества. Поэтому массовые антибольшевистские и антибуржуазные кампании, которые являлись стабильным фоном политического процесса в России в 1917 г., воспринимались массами как естественный атрибут повседневной жизни, а инициировавшими их политическими силами – как средство мобилизации социальных групп.

Наряду с влиянием социально-экономических факторов соответствующую морально-психологическую подоплеку имели под собой массовые самочинные захваты рабочими и крестьянами земельной и заводской собственности, которые были типичными явлениями российской действи-

тельности в 1917 г. Ментальной основой подобной практики был стереотип трудового происхождения собственности, исходя из которого рабочие относились к заводам как предприятиям, «принадлежащим во многих отношениях рабочему населению, работающему на них» [14, с. 61]. В соответствии с ним рабочие Златоустовского завода в ноябре 1905 г. просили уступить им здание Арсенала для своих собраний. Поскольку оно «построено их дедами и отцами» и, «несомненно, должно принадлежать самим рабочим» [9]. Во время волнений на Кыштымском заводе в ноябре 1905 г. рабочие говорили, что все заводы – это их собственность, так как «они давно отработали их владельцам» [4, с. 816].

Отношение к собственности вне зависимости от ее формы, частной или государственной, характеризовалось также социально-психологическим стереотипом «мы – они» = «своя – чужая». Именно он определял стремление рабочих и крестьян к получению и увеличению первой, неуважение и насилие по отношению ко второй. Особенно широкое распространение антисобственнические настроения получили в годы первой российской революции в форме разграбления заводского имущества и захвата земель. Обобщая эту ситуацию, совещание уральских промышленников 18 января 1906 г. отмечало, что после Манифеста 17 октября «население под влиянием агитации потеряло веру в своих претензиях, считая

упраздненным все законы, ограждающие земельную, лесную и заводскую собственность» [20].

Массовый характер такая практика получила и после Февральской революции. В отчете по делам сношений с провинцией в июне 1917 г. говорилось о случаях поджога крестьянами леса «на том основании, что он помещичий». Подобная рефлексия характеризовала и отношение к государственной собственности, которая массами считалась ничьей. «В представлении народа казенное добро есть предмет грабежа; и если объявить, что данное имение или лес – государственная или общественная собственность, и не поставить «охрану, имение будет разграблено, а лес вырублен», – отмечали эксперты [12, с. 48].

В основе такого отношения лежало убеждение крестьян, что земля и недра имеют природное происхождение и пока к ним не приложен человеческий труд, собственностью не являются. Как писала А. Я. Ефименко, крестьяне считали, что «леса никем не сеются и не садятся, а созданы на общую потребу» [11, с. 145], и поэтому порубки в казенном или помещичьем лесу не считались ими нарушением прав собственности.

Подобные представления, по мнению П. Струве, лежали и в основе восприятия массами социалистической доктрины, которую они рассматривали «либо как раздел наличного имущества, либо как получение достаточного и равного пайка с наименьшей затратой труда, с минимумом обязательств» [22, с. 242].

Своеобразием отличалось и понимание массами свободы. Для значительной части рабочих и крестьян она ассоциировалась с безнаказанностью, вседозволенностью, стремлением одним махом решить все свои проблемы и превращалась в вольницу, анархию, правовой беспредел, в свободу от контроля, закона, обязанностей, в свободу отрицания и разрушения. В обобщенном виде такое понимание свободы было сформулировано в виде императива «Свобода на все есть свобода» в письме крестьянина Вятской губернии в 1917 г. [19].

Типична ситуация на Урале. И властные структуры, и администрации заводов указывали в 1905 г. на «ложное толкование» горнозаводским населением дарованных Высочайшим Манифестом свобод, все проявления которого в обобщенном виде сводились к росту погромных настроений и насилия, особенно по отношению к представителям заводской администрации, когда, например, в Кизеловском и Пашийском заводах в ноябре 1905 г. были брошены бомбы в дома управляющих [18]. Обобщая эту ситуацию, член Совета министров Зайончковский отмечал, что «благодаря превратно понятым свободам» рабочее движение в Екатеринбургском уезде (а можно говорить об Урале в целом) «усилилось, принимая... главным образом хулиганскую форму» [8].

При этом факты насилия или угрозы его применения по отношению к представителям администрации служили стабильным фоном со-

циальных конфликтов на уральских заводах не только в революционное время, но и в дореформенный период, и после отмены крепостного права. Их типичными проявлениями были взрывы и поджоги дров, угля, заводского имущества, угрозы физической расправы и смерти по отношению к представителям заводской администрации, случаи их избиения, массовая практика «учи» для низших служащих, вывозы на тачке управленцев разного уровня с территории завода. В своем предельном выражении подобную практику характеризует ситуация на Майкорском заводе в 1900 г., управляющий которого «держал одно время для охраны квартиры пушку, а со стороны рабочих неоднократно делались выстрелы в его квартиру» [17, с. 34].

Это не только закрепляло насилие в социокультурном коде уральских рабочих и переводило его на уровень коллективного бессознательного, но и легитимировало его в их глазах, поскольку на основе своего социального опыта они убеждались в гораздо большей эффективности подобных методов. Не случайно главный начальник уральских горных заводов П. Боклевский, обобщая уроки забастовки рабочих Воткинского завода в марте 1902 г., указывал на беспомощность администрации в такой ситуации и появившуюся у рабочих убежденность в возможности достичь гораздо больших результатов силовыми методами [13, с. 81].

Естественно, что в условиях революционной свободы, ощущения

вседозволенности и безнаказанности полученный социальный опыт и сложившиеся стереотипы массового сознания актуализировали именно гены насилия, которые направляли действия рабочих как на сознательном, так и на бессознательном уровнях вне зависимости от отраслевой принадлежности, величины и типа собственности предприятия. В целом, если оставить в стороне извечный русский вопрос «кто виноват – “власть тьмы или тьма власти”?» необходимо говорить о том, что и в 1917 г., и после победы большевиков именно «силовая» составляющая массового сознания являлась социально-психологической основой партийно-государственного насилия в общенациональном масштабе, и эти «параллельные миры» взаимно стимулировали и дополняли друг друга.

В условиях нараставшего социально-экономического кризиса лета-

осени 1917 г. эти демоны сознания и автоматизмы поведения в совокупности с психологией выживания формировали поведенческие практики масс в рамках социокультурного механизма архаизации сознания и во многом направляли развитие событий. На практике ведущие политические силы России, включая большевиков, наиболее близко стоявших к массам, в определенной степени оставались статистами происходившей драмы, полагаясь, как писал В. И. Ленин, на «опыт и инстинкт» масс и подчиняясь давлению охлократии.

В результате, как писал Н. Бердяев, под имиджем революционной России скрывался «образ старой России» [3, с. 55], что означало архаичное упрощение социальной реальности на основе социокультурных и ментальных кодов традиционного сознания и всеобщий откат в прошлое на основе традиционных поведенческих моделей.

Библиографические ссылки

1. Аксаков К. С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II // Ранние славянофилы. М., 1910. С. 92 – 97.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. М., 1991. 374 с.
3. Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины : сб. ст. о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 55 – 90.
4. Высший подъем революции 1905 – 1907 гг. Вооруженное восстание Ч. 2. М., 1955. 1285 с.
5. Горький А. М. О русском крестьянстве // Русская жизнь. 2007. № 6. С. 20 – 23.
6. ГАРФ. ДП 4. 4 д-во. 1916. Д. 47. Ч. 3. Л. 78.
7. Там же. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 124. Л. 18.
8. Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1907. Д. 50. Ч. II. Л. 14.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1049. Л. 15.

10. Деникин Л. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 1. Вып. 1. 317 с.
11. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884. 268 с.
12. Красный архив. 1926. Т. 26(XV).
13. Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск, 1926. 206 с.
14. Митинский А. Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1909. 244 с.
15. Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. 286.
16. Пермская жизнь. 1917. 28 сент.
17. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917 – 1918. М. : Воениздат, 1925. 221 с.
18. РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316. Л. 114.
19. Там же. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1219. Л. 19.
20. Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 234. Л. 68.
21. Русская свобода. 1917. № 1.
22. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины : сб. ст. о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 235 – 251.
23. Толстой Л. Три дня в деревне. Цит. по: Ахиезер А. С. Указ. соч.
24. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 1. СПб., 1991. 257 с.

Y. D. Korobkov

**THE OLD IN THE NEW, THE NEW IN THE OLD.
MORAL AND PSYCHOLOGICAL
PRECONDITIONS OF THE 1917 REVOLUTION**

This paper analyzes the moral state of Russian society in the early twentieth century as one of the most important components of the revolutionary events in 1917. The author comes to the conclusion that along with the influence of the socio-economic situation, the crisis in the development of the Russian society after the February revolution, evidence of which included its moral threshold reducing, was largely prepared by the previous development of the country and the mental peculiarities of the Russian people. These factors largely determined the vectors of evolution of Russia and the rhetoric of its political leaders.

Keywords: revolution, mentality, morality, people, power, crisis, autocracy.

**КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
1917 Г. ПО ДЕТКОВСКОЙ ВОЛОСТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ
ГУБЕРНИИ)**

В статье анализируется состояние кустарных промыслов в одной из самых развитых до войны 1914 г. волостей Нижегородской губернии. На основе подворных карточек Всероссийской переписи населения 1917 г. с использованием компьютерной базы данных делается вывод о сохранении кустарных промыслов в Детковской волости даже в условиях тотальной мобилизации. Корреляционный анализ показал, что вовлечение крестьян в кустарные промыслы не зависело от размеров земельных наделов. Крестьяне пытались по максимуму использовать рабочую силу семьи. Кустарные промыслы не были заброшены, хотя и значительно уменьшился численный состав кустарей.

Ключевые слова: Российская империя, Нижегородская губерния, Детковская волость, кустарные промыслы, кустарь, Всероссийская перепись 1917 г., подворные карточки.

В историографии переломных для страны событий 1917 г. – Февральской и Октябрьской революций – зияет довольно большая брешь. Буквально пошагово исследовалась деятельность Временного правительства [1], Экономического совета, пытавшегося регулировать экономическую ситуацию в стране [5], органов местного самоуправления [7], программы различных партий [13], деятельность большевиков, «свершивших Великую Октябрьскую революцию». Однако субъект хозяйственной жизни государства – крестьянское хозяйство – изучен крайне слабо. Затрагивались лишь отдельные аспекты отношений власти и крестьянства в 1917 г. либо региональные срезы проблемы. Так,

отношение крестьян к Временному правительству рассматривается в работе О. В. Ефимова [2], состояние крестьянских хозяйств в период между революциями исследовалось на примере Европейского Севера России [11], Алтайского края и ряда других регионов [9]. Состояние крестьянских хозяйств в 1917 г. в рамках империи возможно проследить фактически только на материалах последней Всероссийской переписи населения 1917 г. Эти большие массивы документов, разбросанные по архивам страны, достаточно трудно собрать в единую базу, тем более их полноценный анализ возможен только с использованием компьютерных технологий. В силу этих причин необходимы микро-

исследования на основе волостей и уездов, так как архивные дела сформированы по волостям. Цель данной статьи – исследование состояния важной экономической составляющей многих крестьянских хозяйств – кустарных промыслов. Территориальные рамки ограничены одной волостью Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Выбор был не случаен. Горбатовский уезд (и Детковская волость в частности) до Первой мировой войны был одним из самых развитых в кустарно-промышленном отношении районов Центральной России. Что же происходило с промыслами в период между двумя революциями 1917 г., в разгар великой войны?

Первая мировая война привела к губительным для России последствиям. Хозяйственные трудности, особенно проявившиеся в 1916 г., переросли в общий экономический кризис [3, с. 238]. Однако именно летом 1917 г., в период между двумя революциями, в стране была проведена последняя Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись. Ее значение для изучения состояния российского общества трудно переоценить. Ее подготовка, продуманность, точность показали, что российская статистическая наука находилась на высочайшем в мире уровне. Перепись 1917 г. стала преемницей сельскохозяйственной переписи 1916 г., но при этом имела ряд отличий. Всероссийская сельскохозяйственная, земельная и городская перепись 1917 г. проводилась по По-

становлению Совета министров Временного правительства от 5 мая 1917 г. Она преследовала две цели. Во-первых, построение общего продовольственного плана на 1917 – 1918 сельскохозяйственный год, т. е. плана снабжения армии и населения хлебом и мясом, а во-вторых, разработка плана аграрной реформы. 9 мая министром земледелия было издано Положение об этой переписи. Заведование было возложено на Отдел переписи министерства земледелия. Программы переписи были разработаны Всероссийским съездом земских, городских и правительственных статистиков и представителей статистической науки, который проходил с 18 по 21 апреля 1917 г. Период переписи был ограничен временем: с окончания сева до 15 августа или 1 сентября.

Предварительные подсчеты данных переписи начали производить уже зимой 1917 – 1918 гг. Итоги показали, что, с одной стороны, перепись была более полной, чем в 1916 г., она содержала 194 показателя, а с другой – смена государственной власти, повлекшая за собой бурные события в стране, не позволила охватить переписью все крестьянские хозяйства обширного государства. Приход к власти большевиков помешал вовремя собрать и обработать большие массивы переписных бланков. Сложная схема и программа переписи требовали тщательной работы, которая не могла быть выполнена быстро. Сводные материалы переписи были опубликованы в изданиях

Центрального статистического управления: в 1921 г. по 52 губерниям [14], в 1923 г. по 57 губерниям и областям [15]. Бланки, поступившие в Центральное статистическое управление, как полагают А. М. Анфимов и И. Д. Ковальченко [4, с. 76], были утрачены. В РГИА в фонде отдела статистики Министерства земледелия отложились лишь заполненные бланки на частновладельческие имения по губерниям и частью сводные таблицы по численности населения, полеводству, животноводству [10]. Вторые экземпляры карточек сохранились в региональных архивах: Тамбовском, Пензенском, Костромском, Нижегородском, Якутском (Республика Саха) и др.

По Нижегородской губернии бланки переписи 1917 г. отложились в фонде досоветского периода (фонд 61 – Нижегородский губернский статистический комитет) и советского периода (фонд р-124 – статистический отдел исполнительного комитета Нижегородского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) и содержат формуляры разных видов: общинные поселенные бланки, сводные статистические таблицы-ленты и др. Из всех формуляров наибольший интерес для изучения кустарных промыслов представляет подворная карточка. Ее формуляр содержит табличную форму на двухстраничном развороте. На первом листе имеется раздел «Промыслы за последний год», который включает в себя графы отдельно по мужчинам и женщинам: «7.

Название (род промысла); 8. Положение в промысле; 9. Для сельскохозяйственных рабочих, где занят в крестьянском или частновладельческом хозяйстве». Те же пункты присутствуют по женскому населению, соответственно графы 18, 19, 20. В заполненных бланках в графе 7 «Название (род промысла)» встречаются самые различные профессии: чертежник, служащий, торговец, плотник, резчик, крановщик, кочегар и другие [17, л. 18, 21, 23]. Следовательно, кустарные промыслы можно определить лишь в том случае, если делать выборку непосредственно из первичных материалов переписи, так как в сводных работах количество лиц, занятых промыслами, подсчитано по всем промысловым занятиям, и поездные и погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г, опубликованные Центральным статистическим управлением в начале 1920-х гг., дают искаженную картину о промысловых занятиях.

Подворные карточки позволяют проследить динамику развития кустарных промыслов по Детковской волости Горбатовского уезда. Архивное дело по Детковской волости содержит 1118 листов за вычетом листов, содержащих списки дворов по 14 селениям. Отсутствуют карточки деревень Бобровское и Калинино. Дело содержит 1098 подворных карточек.

Детковская волость находилась в западной части Горбатовского уез-

да и всей Нижегородской губернии. Она граничила с Муромским уездом Владимирской губернии. Исследования, проведенные в начале 1880-х гг. под руководством профессора Докучаева по заданию Нижегородского губернского земства, показали, что волость вся была изрезана оврагами. Большая часть земель – глинистая, серого цвета, исключением служила маленькая деревня Горки, где почва была плодородной. Самая плохая почва – красно-бурая, очень твердая глина – была типична для окрестностей деревень Меленки и Заплатино. За деревней Таремской разнообразие почв было значительным: от сплошного песка и ледниковой щебенки до буро-красной глины. И лишь у деревни Шишкино и села Деткова глина встречалась изредка, была почва, насыщенная гумусом [6, с. 147]. Именно неплодородная почва, а также близость крупного сталелитейного центра – села Павлова (6 верст), в котором его владельцы, графы Шереметевы, развивали металлообрабатывающие промыслы, способствовали тому, что в Детковской волости уже в XIX в. успешно развивались кустарные промыслы прежде всего по обработке металла. По исследованию, проведенному перед Московской промышленной выставкой 1882 г., в селениях волости крестьяне занимались ножевым, замочным промыслами, а также изготавливали ножницы (Меленки), весовые коромысла (село Детково, де-

ревни Горки, Бобровское, Молявино) [8, с. 6].

В настоящее время подготовлена электронная база данных в программе Microsoft Excel. Имеющиеся данные позволяют проследить динамику развития крестьянских хозяйств волости за период с 1858 по 1917 гг. Анализ показал, что число дворов за 59 лет увеличилось почти в два раза, число жителей – почти на 1817 человек. Численность кустарей с 1881 по 1912 гг. увеличилась на 2093 человека, т. е. почти в четыре раза (табл. 1). По переписи 1912 г. все 16 селений (92 % всех дворов) были заняты промыслами. Эти показатели отражают общую картину как по Нижегородской губернии, так и по Центрально-промышленному району. Исследователи зафиксировали, что в Нижегородской губернии за период с 1880-х по 1907 – 1910 гг. произошло увеличение населения (+34 %), зато уменьшился сбор хлебов (–9 %) и соответственно посевная площадь (–10 %). К 1913 г. в целом в Московско-промышленном районе отмечено уменьшение показателей по животноводству [19, с. 226, 236 – 237]. Эти изменения в традиционном крестьянском хозяйстве были связаны прежде всего с развитием промыслов и фабрично-заводской промышленности, бурный рост которых на рубеже XIX – XX вв. вызвал отток рабочих рук из сельского хозяйства в более доходные виды деятельности.

Несмотря на то что правительственные документы и периодическая печать на рубеже XIX – XX вв. пестрели сообщениями об угасании кустарных промыслов, о невозможности кустарей конкурировать с фабричной промышленностью, исследования, в том числе и по Детковской волости, свидетельствуют об увеличении населения, занимающегося кустарными промыслами и довольно стремительном: 18 % в 1889 г. и 53 % в 1912 г. Чем больше населения втягивалось в кустарные промыслы, тем больше сами кустари были недовольны своим положением. Об этом, в частности, свидетельствует прошение кустарей Детковской волости, датированное 24 мая 1912 г., Нижегородскому губернскому земству: «Имеем честь покорнейше просить Нижегородское губернское земское собрание ввиду затруднительного положения куستا-

рей по весовым коромыслам, не будет ли возможным Нижегородскому губернскому земству принять под свою опеку кустарное производство весовых коромыслов, дабы кустарям была возможность работать и сбывать свой товар через посредничество Нижегородского земства, а также уважаемое земство не будет ли иметь возможность учредить род склада и сорганизовать кустарей, чтобы им была возможность непосредственно от крупных производителей сбывать свой товар иногородним покупателям – коромысла, наработанные по последней инструкции поверочной палатки, чтобы дать кустарям возможность наконец освободиться от зависимости крупных производителей, так как крупные производители кустарей сжали до невозможности, пользуясь безвыходным положением кустарей.

Таблица 1. Динамика развития кустарных промыслов в Детковской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии

Год	Дворов	Население всего	Кустарей всех	Процент кустарей ко всему населению
1858	658	4059	Нет данных	Нет данных
1881	800	3553	723	20
1889	843	4161	749	18
1912	994	5318	2816	53
1917	1098	5876	401	6,82

Почему мы, кустари, и осмеливаемся просить Нижегородское земство войти в положение кустарей и надеемся, что Нижегородское гу-

бернское земство не откажет нам в настоящей нашей просьбе, так или иначе Нижегородское земство примет участие и пойдет навстречу ку-

старьям по выработке и сбыте весовых коромыслов, облегчив тем безвыходное их положение» [16, л. 197 – 197 об.]. Под прошением стоят подписи 21 кустика села Деткова и 35 подписей кустика других деревень, в том числе: Василия, Степана, Михаила Ногтевых (деревня Крюки), Василия Шипаева (деревня Горки). Последний из упомянутых кустика, по данным переписи 1917 г., был на фронте.

Официальные донесения служащих земств и осенью 1914 г. свидетельствовали о том же. По опросам волостных правлений и самих кустика «положение рисуется в очень плачевном виде, сбыт изделий совершенно прекратился, скупщики товар не покупают ни по какой цене... Все в один голос твердят, что если земство в скором времени не придет кустика на помощь, путем организации покупки у кустика изделий, то их положение будет очень скверным» [12, с. 65].

И «скверное положение» действительно наступило, о чем и свидетельствует перепись 1917 г. Летом на фронте находилось 594 человека, т. е. 10 % населения волости (табл. 2). Эти крестьяне в мирное время были кустиками. По переписи в волости зафиксирован 401 кустика, в их числе были подростки 13 – 17 лет и женщины (18 человек). Названия промыслов в основном отсутствуют, в графе прописано лишь слово «кустика». Карточки по Детковской волости в плане наполняемости граф невыгодно отличаются от данных по

другим волостям и уездам. Так, в карточках по Кубинцевской волости Балахнинского уезда прописаны вид промысла, год мобилизации и другие ценные для исследователя сведения. Примером может служить карточка двора Андрея Игнатьева Бугрова, жителя села Кубинцева. В графе «Мобилизация» указано, что из семьи были взяты на фронт сын 27 лет в 1914 г. и другой сын 24 лет в 1916 г. Указан и вид промыслов: хозяин и третий сын 17 лет работали плотниками, дочь 15 лет – плетеей, т. е. занималась кружевоплетением [18, д. 121, л. 556]. По Детковской волости лишь в некоторых случаях встречаются названия промыслов: слесарь, шорник, кузнец. Примечателен двор крестьянина деревни Таремской Тарабакина Гавриила Ефремова. В семье было четыре человека: хозяин 57 лет, жена 39 лет и две дочери. Хозяин занимался извозным промыслом, владел тремя головами скота, жена – «замочница», т. е. занималась изготовлением замков. Хозяйство землей было не обеспечено, владело 1,9 десятинами, тем не менее землю возделывало [18, д. 82, л. 763]. Это пример бедного крестьянского хозяйства, которое было вынуждено заниматься промыслами для получения минимального дохода. Были и примеры зажиточных хозяйств, в которых было несколько сыновей, вполне обеспеченных земельными наделами. Таковым был двор Голицына Семейна Григорьева из деревни Лаптево. В семье было 14 человек трех поколений: хозяин с хозяйкой, четыре сына,

три дочери, сноха, два внука и две внучки. Сын 25 лет был мобилизован. Во владении находилось 13,77 десятины земли, кустарем был сын 24 лет. Семья занималась и сельским хозяйством, держала 12 голов скота [18, д. 82, л. 754]. Явно, что в таком большом

хозяйстве были задействованы все рабочие руки, и кустарный промысел давал реальный денежный доход. В таких случаях вывод о том, что к кустарным промыслам прибегали безземельные или малоземельные крестьяне, не выдерживает никакой критики.

Таблица 2. Основные показатели крестьянских хозяйств по Детковской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии

Селение	Число дворов	Количество членов семьи	Количество мобилизованных	Число кустарей	Количество фабричных рабочих	Скот, голов
Бл. Давыдово	151	1074	133	147	0	444
Заплатино	104	544	56	2	21	271
Таремская	91	590	52	4	29	335
Меленки	81	779	79	62	0	481
Детково	65	333	28	25	0	193
Завалищи	59	337	39	9	9	184
Лаптево	58	313	20	33	0	271
Шишкино	57	743	63	82	0	457
Амачкина	56	357	40	23	0	152
Крюки	49	267	29	3	2	140
Молявино	48	271	31	8	9	233
Долгово	22	117	7	2	2	43
Шепелево	16	72	10	1	1	49
Горки	14	79	7	0	2	70
Итого	871	5876	594	401	75	3323

Проведение корреляционного анализа зависимости численности кустарей от размеров земельных наделов в крестьянских хозяйствах Детковской волости показало, что коэффициент корреляции практически равен нулю, то есть таковая зависимость отсутствовала.

Микроисследование за 1881 – 1917 гг. было проведено на примере маленькой деревни Горки Детков-

ской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Если до 1914 г. происходил рост населения и число кустарей, то в 1917 г. отмечается полный упадок промыслов (табл. 3). За период с 1858 по 1917 гг. число дворов увеличилось в два раза: с 7 до 14, соответственно увеличивалось и число кустарей. Все кустари деревни Горки до войны занимались выделкой весовых коромысел. Перепись

1917 г. зафиксировала полное отсутствие кустарей. Все они были взяты в армию. Оставшееся население занималось сельским хозяйством. В деревне был один мельник и два человека работали на фабрике. Примером семьи бывших кустарей может служить се-

мья Василия Андреевича Шепалева. В подворной карточке указано: «Шепалев Василий Андреевич – хозяин 41 год, сын 21 год взяты по мобилизации; промыслы не указаны, 4 малолетних сына: 13, 10, 4, 0 лет. Жена 40 лет, 3 дочери 17, 15, 6 лет» [18, д. 82, л. 142].

Таблица 3. Динамика развития кустарных промыслов в деревне Горки Детковской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии

Год	Дворов	Население	Кустари	Процент кустарей к рабочим мужчинам
1858	7	39	Нет данных	Нет данных
1881	9	11	8	72
1889	11	47	10	90,9
1917	14	79	0	0

Перепись фиксирует наличие в крестьянских хозяйствах купчих земель: товарищеских и единоличных, причем не только в хозяйствах, где занимались только сельским хозяйством, но и в тех, где были кустари. Такое крупное хозяйство было у жителя села Деткова Леонида Васильева Любимцева. Семья состояла из четырех человек: хозяин 45 лет, хозяйка 45 лет и два сына. Семья занималась сельским хозяйством, а сын 20 лет был кустарем. В хозяйстве было 11 десятин купчей единоличной земли и 8 голов скота [18, д. 82, л. 1040].

Исследователи полагают, что в трудовом земледельческом хозяйстве нормы напряжения труда были всегда значительно ниже его полного использования [11, с. 82]. Этот вывод в общем и целом не распространяется на хозяйства Детковской волости, где средний надел на хозяйство составлял 5,15 десятины, и тем не менее

промыслы даже в условиях чуть ли не тотальной мобилизации продолжали сохраняться. Использовался труд и подростков, и женщин. Следовательно, анализ переписи крестьянских хозяйств Детковской волости показал, что вовлечение крестьян в кустарные промыслы не зависело от размеров земельных наделов. Крестьяне в своем большинстве пытались по максимуму использовать рабочую силу семьи. И даже в условиях войны, когда 10 % населения, а именно значительная часть трудоспособных мужчин находилась на фронте, кустарные промыслы не были заброшены, хотя и значительно уменьшился численный состав кустарей. С другой стороны, уменьшение количества вырабатываемой продукции: ножей, весовых коромысел, замков, ножниц, вело к удорожанию продукции. Однако не стоит забывать и целей переписи, которая была при-

звана собрать сведения с населения о подготовке плана по обеспечению продовольствием «голодной» России. В условиях экономического кризиса перепись продемонстрировала прежде всего значительную нехватку рабочих рук, и эту ситуацию могло исправить лишь возвращение крестьян с фронта, то есть без прекращения военных действий улучшить экономическое положение в стране было невозможно.

Библиографические ссылки

1. Гайда Ф. А. Временное правительство: принципы политики в контексте развития революционных процессов в России весной-летом 1917 г. // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017. № 6. С. 17 – 34.
2. Ефимов О. В. Крестьянские комитеты Нижегородской губернии в период правления Временного правительства // Приволжский научный вестник. 2005. № 2 (42). С. 39 – 43.
3. История России на рубеже веков. 1894 – 1922 гг. : учеб. пособие / Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. М., 2017. С. 238.
4. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 76.
5. Кузнецова О. Н. Экономический Совет при Временном правительстве России в 1917 г. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 7 – 21.
6. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть // Отчет Нижегородскому губернскому земству. Вып. VII. Горбатовский уезд. СПб., 1885. С. 147.
7. Петровичева Е. М. Местное самоуправление в период революционных потрясений: весна – осень 1917 г. (на материалах Владимирской губернии) // Революция и современность : материалы науч.-практ. конф. 3 марта 2017 г. / отв. ред. А. Г. Аннин, Р. В. Евстифеев. Владимир, 2017. С. 93 – 99.
8. Рагозин В. Материалы к изучению кустарной промышленности Волжского бассейна. Приложение к изданию «Волга». М., 1881. Табл. С. 6.
9. Разгон В. Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Историческое профессиональное образование / под ред. В. Н. Владимирова. Барнаул, 2004. С. 136 – 159.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 433. Оп. 3. Д. 84, 87 – 104.
11. Саблин В. А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917 – 1920). М., 2009.
12. Савельев М. Металлические промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1916. С. 65.

13. Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905 – 1917 гг.). Н. Новгород, 2006.
14. Труды Центрального статистического управления. Т. 5. Вып. 1: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921.
15. Там же. Вып. 2. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923.
16. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 42. Оп. 240. Д. 125. Л. 197 – 197 об.
17. Там же. Ф. 61. Оп. 216. Д. 1069.
18. Там же. Ф. Р-124. Оп. 4.
19. Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1928. С. 226, 236 – 237.

M. V. Kartashova

**HANDICRAFT BETWEEN THE TWO REVOLUTIONS
(BASED ON THE 1917 ALL-RUSSIA POPULATION CENSUS RECORDS
ON DETKOVSKY DISTRICT OF NIZHNY NOVGOROD PROVINCE)**

The article analyzes the state of handicrafts in one of the most developed districts of Nizhny Novgorod province before the war of 1914. On the basis of the household cards of the 1917 all-Russia population census, using the computer database, a conclusion is made about the preservation of handicraft industries in Detkovsky district, even under the conditions of total mobilization. Correlation analysis has shown that the involvement of peasants in handicrafts did not depend on the size of land allotments. Peasants tried to make maximum use of the family workforce. Handicraft industries were not abandoned, although the number of handicraftsmen was considerably reduced.

Keywords: Russian Empire, Nizhny Novgorod province, Detkovsky district, handicraft, handicraftsman, 1917 All-Russia Census, household cards.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ В ЯЗЫКЕ

В данной статье проанализированы взгляды отечественных и зарубежных лингвистов на сущность понятий «семантическое поле», «ассоциативное поле». Обозначено место ассоциативного поля в структуре языка, выделены его основные признаки.

Ключевые слова: семантическое поле, ассоциативное поле, тематическая группа, ядро поля, периферия поля, слово-ассоциат, слово-стимул.

В отечественной лингвистике упрочилось понимание категории поля как совокупности языковых единиц, преимущественно лексических, объединенных общностью содержания, одним понятием, функциональным сходством обозначаемых явлений.

Цель данной статьи – систематизировать взгляды ученых-лингвистов на понятие «поле», его природу, структуру, определить основные признаки ассоциативного языкового поля.

На начальных этапах формирования этого лингвистического понятия предлагался более обобщенный подход. Так, Г. Щур, основываясь на концепции Й. Трира, который рассматривал семантическое поле как тесно связанный по смыслу раздел словаря, элементы которого охватывают все это поле и распределяют его на звенья, объединенные между собой, определял поле как средство существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными качествами [17, с. 12].

По мнению О. Ахмановой, семантические поля (СП), структурируясь по своим законам, раскрывают картину мира, специфическую как для различных языков, так и для одного языка в разные периоды его развития. Они являются «компактными, внутренне спаянными отрезками словаря, элементы которого ограничивают друг друга и покрывают определенную понятийную сферу» [2, с. 78].

В основе объединения слов в СП, которое «должно иметь определенное соответствие в структуре мышления носителей языка» [5, с. 175], лежит реальная сущность явлений, обозначаемых словами. Принимая во внимание это положение, Э. Кузнецова отмечает, что в состав СП входят не только те слова, которые связаны прямыми оппозициями, но и такие, которые могут соотноситься ассоциативно, т. е. «связь определенных элементов поля не прямая, а лишь вероятная» [8, с. 71].

Элементом, обеспечивающим структурное единство СП, определе-

на семема (или семемы). Так, в своих исследованиях Ж. Соколовская доказывает, что формальным показателем принадлежности данной семемы в поле является ее вхождение в родосемы или в видосемы следующих порядков, как, например, дерево, куст, трава и т. д. [12, с. 79].

Каждое СП имеет собственную структуру, которая на разных этапах развития языка может трансформироваться. Структура любого поля – это сложная иерархическая организация, имеющая центр (ядро) и периферию, которые находятся в постоянном взаимодействии. Большинство ученых (Ю. Караулов, М. Кочерган, В. Левицкий и др.) придерживаются точки зрения о том, что, определяя центр и периферию СП, необходимо исходить из частотности употребления элементов поля, т. е. ядро составляют наиболее часто употребляемые слова, являющиеся носителями основных значений, а на периферию выносятся стилистические синонимы, диалектизмы и т. д. [7, с. 283]. А. Антомонов считает, что в ядро СП входят элементы, ассоциативно связанные только с элементами данного поля, а периферия одного поля может быть ядром или даже именем другого СП [1, с. 11].

Проблема терминологической неопределенности, противоречивость мнений относительно самого содержания понятий «поле», «группа» вызывают следующий вопрос: к какой структурной группе лексики следует относить то или иное смысловое (семантическое) объединение слов?

Так, по мнению одних исследователей, тематическая группа (ТГ) – это объединение слов, основанное на классификации предметов и явлений и членимое на единицы меньшего уровня (поля, лексико-семантические группы). Таким образом, СП считается структурным элементом ТГ [14, с. 185 – 186], и наоборот – ТГ входит в состав СП на одном уровне с синонимическими и антонимическими рядами.

Некоторые ученые (Л. Лисиченко, Ф. Филин, Э. Кузнецова) указывают на то, что связь слов в ТГ определяется по денотативному компоненту значений слов и не учитывает внутриязыковых различий между значениями слов, а, соответственно отличается от СП и составляет отдельную группу лексики. Д. Шмелев отмечал, что «группы слов, выделяемые на основании предметно-логической общности, в большинстве случаев характеризуются и некоторыми общими для них собственно семантическими признаками, иначе говоря, большинство тематических групп слов оказываются при детальном рассмотрении также и лексико-семантическими группами» [15, с. 103]. Как группу слов, объединенных общим, родовым, понятием, включающим в себя различные части речи, рассматривает ТГ В. Кодухов [6, с. 5]. В любом случае компоненты ТГ являются ассоциированными.

Некоторые ученые считают, что в основе группировки слов в СП лежат ассоциации, поскольку «в человеческой памяти лексика «запечат-

лена» ассоциативно, по принципу общей семантики» [9, с. 14]. Так, довольно часто к структурным элементам СП относят ассоциативные объединения типа: *весна – зелень, свет, цветы* и т. д., а термином «семантическое поле» обозначают **ассоциативные поля** (Ф. Никитина).

Впервые на ассоциативные поля (группы) (АП, АГ) слов обратил внимание еще Ф. де Соссюр: парадигматические связи слов под влиянием его концепции принято называть ассоциативными на основании того, что «вне процесса речи слова, имеющие между собой нечто общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются различные отношения» [13, с. 155]. Слово, по его мнению, включается в определенные **ассоциативные группировки** на основе «общего элемента» – смысла или формы. В соответствии с этим Ф. де Соссюр выделял ассоциативные группы (АГ), образованные: 1) сходством словообразовательных средств; 2) фонетическим сходством; 3) общностью образов, обозначающих слова. Среди основных признаков АГ ученый называет неопределенность порядка элементов и их бесконечность. И тут же отмечает, что последний признак свойственен не всем ассоциативным группам, поскольку некоторые парадигматические группы (именно их Соссюр назвал ассоциативными), например падежные парадигмы, ограничены количественным составом элементов.

Основоположником теории **ассоциативного поля** считается Ш. Бал-

ли. Опираясь на теорию Ф. де Соссюра, ученый предложил собственную концепцию системности языка, которая, по его мнению, проявляется в форме определенных устойчивых ассоциаций: «Языковая система представляется нам в виде широкой сети постоянных мнемонических ассоциаций, достаточно сходных между собой во всех субъектах речи, – ассоциаций, распространяется на все языковые слои...» [3, с. 30]. Любое слово, как считает Ш. Балли, вызывает в нашем сознании определенные ряды слов, а также определенные образные представления, присущие носителям конкретного языка (ср.: для носителей русского языка *вол* ассоциируется с силой (*рус.* силен, как бык), недоброжелательством (*рус.* смотрит как бык на красную тряпку), для украиноязычного контингента – с трудолюбием (*укр.* пахати як віл) или недоразумением (дивиться, як віл на нові ворота) и т.д.).

Вполне справедливо Ш. Балли определяет АП как особый тип объединения слов, структура которого обусловлена как внутриязыковыми, так и внеязыковыми связями. Для него характерны эластичность, которая вызывается относительностью таких понятий, как мотивированность и произвольность, в промежутке между которыми существуют различные степени переходов. «Это означает, что количество ассоциаций, возникающих непосредственно из знаков, неравномерно, ... и следует предположить, что чем более мотивирован обычный знак, тем больше концентрируется внимание на

его внутреннем строении, в результате чего уменьшается количество и значение внешних ассоциаций его «ассоциативного поля». И наоборот, чем более произвольный знак, тем более многочисленными являются отношения, которые он устанавливает... для определения своего значения» [3, с. 150 – 151].

Ш. Балли отметил также, что структура и состав элементов АП имеют субъективный и ситуативный характер. В зависимости от индивидуального характера субъектов языка и от ситуации, в которой разворачивается речь, один знак может вызвать в воображении любой другой, которому отдается предпочтение перед другими: у дровосека дерево вызовет преимущественно представление о дереве как материале, у путешественника, изнывающего от жары, – представление о тени. «...В языке мы встречаемся со скрытыми ассоциациями, которые, не исключая других, неизбежно возникают вместе с представлениями знака, независимого от ситуации и от контекста» [3, с. 151].

Подобные мысли высказывал и немецкий ученый В. Порциг. Он отметил, что ассоциативные ряды образуются благодаря постоянной сочетаемости слов в процессе речи. Таким образом, к одному АП будут относиться слова разных частей речи, имеющие единое семантическое пространство.

Е. Косериу, рассматривая типы языковых полей, основным признаком, отличающим АП от семантического, назвал центробежный характер его се-

мантических процессов (в СП (лексическом) – центростремительный) [цит. по изд. 16].

В исследовании Г. Щура, посвященном теориям поля в лингвистике, отмечено, что в современном языкознании ассоциативные языковые структуры, которые рассматривал Ш. Балли, имеют иную интерпретацию. Это объясняется «более строгим подходом к таким понятиям, как парадигматика, система и поле. Однако наибольшую роль в этой трактовке ассоциативных полей, – отметил Г. Щур, – видимо, играет то, что большинством ученых в основу объединения элементов, рассматриваемых как поле, положен общий дифференциальный признак. ...У элементов ассоциативных групп и ассоциативных полей, как правило, подобных совместных лингвистических дифференциальных признаков обнаружить не удастся...» [17, с. 94].

Несмотря на то что АП у каждого человека свое и по составу элементов, и по весу связи между ними, его ядро в целом стабильно, а связи – регулярно повторяющиеся в определенном языке. Объяснение этому – принадлежность говорящего к определенному этносу, определенной культуре [11, с. 93]. В ядро АП включают те слова-ассоциаты, которые являются часто применяемыми, соответственно на периферию выносятся сравнительно редкие или индивидуальные реакции.

Часто ассоциативные объединения слов рассматривают как структурный элемент СП (И. Стернин, З. Попова, В. Левицкий), объясняя это тем,

что слова в СП объединяются архисемой и рядом дифференциальных сем [10, с. 88]. Но подобное мнение весьма противоречиво, поскольку понятие «ассоциативное поле» шире, чем понятие «семантическое поле».

АП имеет четкую целенаправленную организацию: ассоциаты к слову-стимулу, как отмечают лингвисты, распределяются по определенным направлениям. «Направления ассоциирования и появления реакций обычно оказываются уже в ядре АП и продолжают на его периферии, составляя структуру АП, и могут рассматриваться как ее ветви» [4, с. 8]. Такие ответвления, или линии, имеют неодинаковую силу. Согласно связи между стимулом и ассоциатом можно выделить такие ассоциативные линии: 1) семантические, в которых стимул и реакция связаны определенным типом семантических отношений; 2) грамматико-словообразовательные, или ассоциативно-деривационные, суть которых – в преобразовании грамматиче-

ских свойств слова-стимула и образовании его производных слов или слов, связанных со стимулом другими словообразовательными отношениями [4, с. 9]; 3) синтагматические, в которых стимул вызывает реакции, образует с ними природные сочетания слов в пределах определенного контекста.

Исходя из многочисленных взглядов на понятие «поле», его природу и структуру, можно сделать вывод, что любое поле, в том числе и ассоциативное – это сложная иерархическая структура, которая характеризуется рядом признаков: взаимопроницаемостью, подвижностью структуры, неопределенностью количества элементов и диффузностью границ. Наряду с этими АП присущ и ряд специфических признаков: произвольность и неопределенность порядка расположения элементов поля, их условная бесконечность, разветвленность ассоциативных линий (парадигматических, синтагматических, тематических) в пределах его структуры.

Библиографические ссылки

1. Антомонов А. Ю. Исследование структурной организации лексико-семантического поля : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. 16 с.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1952. 295 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.
4. Бутенко Н. П. Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979. 119 с.
5. Караулов Ю. Н. Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. М., 1976. С. 300 – 318.
6. Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов : лекция. Л., 1955.
7. Кочерган М. П. Лексико-семантична система // Українська мова : енциклопедія. Київ, 2000. С. 282 – 284.
8. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М, 1982. 151 с.
9. Нікітіна Ф. О. Виділення і визначення ЛСП // Мовознавство. 1981. № 1. С. 11 – 15.

10. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения) : учеб. пособие. Воронеж, 1984. 146 с.
11. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций. Л., 1989. 181 с.
12. Соколовська Ж. П. Модель семантичних відношень у лексиці // Мовознавство. 1986. № 6. С. 38 – 43, 79.
13. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. С. 31 – 289.
14. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 280 с.
15. Шмелев Д. Н. Слово и образ. М., 1964. 120 с.
16. Шульская О. В. Формульные употребления слова *звезда* и их преобразование в стихотворных текстах поэтов XX века // Поэтика и стилистика: 1988 – 1990. М., 1991. С. 100 – 108.
17. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974. 255 с.

Zh. Marfina, T. Kuzmenko

REVISITING THE NATURE OF THE ASSOCIATE FIELD IN THE LANGUAGE

Views of domestic and foreign linguists on the essence of the concepts «semantic field», «associative field» have been analyzed in the article. The place of the associative field in the structure of the language and its main features have been identified.

Keywords: semantic field, associative field, thematic group, kernel of the field, periphery of the field, associate word, stimulus word.

УДК 821.161.1

Лиляна Д. Байич

ТЕМА БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ В СЕРБСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Б. СТАНКОВИЧА

В работе рассматривается тема бедных людей в сербской и русской литературе путем сопоставительного подхода к анализу произведений Ф. М. Достоевского и Б. Станковича. Автор сравнивает жанровые, традиционные, религиозные, этические и социальные элементы литературной картины мира бедных людей Ф. М. Достоевского и божьяка¹ Б. Станковича и исследует их интертекстуальное соотношение.

Ключевые слова: бедные люди, божьяки, Достоевский, Станкович, традиция, интертекстуальность.

¹ Нищий, убогий.

Критическое отношение к социальным проблемам и понимание маленького человека традиционно в русской классической литературе. Судьба и крушение бедного человека, душу которого придавили несчастные случаи, привели его в беду или толкнули еще глубже, на дно жизни, – это темы, которыми интересовались Пушкин (*Станционный смотритель*), Гоголь (*Шинель*) и Достоевский (*Бедные люди*, *Униженные и оскорбленные*, *Преступление и наказание*). В плену нищеты, оскорбленные, униженные и забытые, но одаренные чувствительной душой и глубокими, драматическими чувствами – это несчастные, бедные люди Достоевского.

Посредством темы об униженных и оскорбленных бедняках, которая в творчестве Достоевского развивается с первого эпистолярного романа *Бедные люди* через *Униженных и оскорбленных* до *Преступления и наказания*, самого значительного произведения, Достоевский все глубже проникал в тайну человеческого существа². Первый критик Достоевского,

² Момент зарождения первых литературных замыслов, а также и замыслы *Бедных людей* Достоевский описал в фельетоне *Петроградские сны* («Время», 1861):

И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон-Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то *гримасничал* передо мною, спрятавшись за всю эту *фантастическую толпу*, и *передергивал* какие-то *нитки*, *пружинки*, и *куколки* эти двигались, а он хохотал, и все хохотал! И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то

Белинский, заметил и похвалил писателя, отведшего роль главного героя *Бедных людей* маленькому человеку и тем самым посредством образа Макара Девушкина показавшего все прекрасное, благородное и светлое, что в нем есть. В поздней литературной критике самой главной чертой таланта Достоевского стали считать его умение погрузиться в человеческую душу и ее психологическое состояние, а также и в мотивацию человеческого поведения. Пишут, что герои Достоевского, особенно «мир,

титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся их история. И если бы собрать всю ту толпу, которая тогда мне приснилась, то вышел бы славный *маскарад*... [7, с. 276]

В этом тексте показаны координаты мира, которому лишь следует быть созданным. Это: 1) карнавальное видение жизни, чьи характерные реквизиты - смех и трагедия, игра (паяц и палатка) и маскирование; 2) художественное пространство и социальная среда рассказа (городская обстановка, Петербург с его резкими социальными контрастами и бедными районами, Фонтанка «по которой скучно гулять», как пишет герой *Бедных людей* Макар Девушкин); 3) литературный тип и психологический характер героев (чиновник, титулярный советник Девушкин, нравственный и лояльный начальству, честный и честного сердца; соблазненная девушка, «униженная и оскорбленная»); 4) основная линия, тип завязки (завязка любовной интриги). О судьбе этого произведения Достоевский пишет своему брату Михаилу (30 сентября 1844 года): «Я кончаю роман в объеме «*Eugénie Grandet*». Роман довольно оригинальный» [2, с. 25]. Но роман он перерабатывает несколько раз и 4 мая 1845 года пишет брату: «Этот мой роман, от которого я никак не могу отвязаться, задал мне такой работы... Но уж теперь он кончен, и эта переправка была последняя. Я слово дал до него не дотрагиваться» [2, там же]. *Бедные люди* были опубликованы в следующем, 1846 г.

загнанный до предела», или «мир душевных отклонений», по своей важности представляют психологические открытия, равные научным [2, с. 34]. Согласно упомянутым толкованиям, уже в *Бедных людях* Достоевский открыл и описал несколько крупных психологических феноменов, первичная причина которых связана с жизненным крушением героя. Это комплекс неполноценности, обусловливающий отчуждение личности, т. е. стыд и боязнь мира (который ясно проявляется в поведении Девушкина, а в некоторой степени и у Вари и Покровского), желание получить компенсацию и стремление к подтверждению личности в нравственном плане (этим, например, был мотивирован брак Вари с Быковым, что можно связать с мотивом возвращения соблазненной девушки ее соблазнителю, потом благодарность Девушкина генералу за то, что он «взял его руку недостойную, да и потряс ее, словно ровне своей», и радость Горшкова по поводу приговора, защитившего его честь)³.

³ Толкуя мысль и глубину психологического анализа у Достоевского, Адлер, между прочим, подчеркнул: «Существуют самые разные сферы, в которых Достоевский стал для нас бесценным, великим учителем» [1, с. 385]. Сам Достоевский в конце своего творческого пути этот аспект своей литературы объяснил иными словами: «При полном реализме найти человека в человеке. <...> Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой». Сдержанное отношение Достоевского к психологии в научной и художественной литературе и в судебной практике своего времени объясняется его уверенностью в том, что психология ове-

Хотя тема маленького человека в русской литературе не является новой⁴, в создании образа бедного чиновника Макара Девушкина в *Бедных людях* Достоевский выбрал иной путь, освобожденный от возможных влияний, особенно Гоголя в *Шинели*. Из-за этого, вспоминая афоризм Достоевского «Все мы вышли из гоголевской *Шинели*», критическая литература подчеркивает и его полемическое отношение к модели мира и героев в произведении Гоголя [2, с. 29]. Но лишь Бахтин в своих трудах о проблемах поэтики Достоевского выделил важнейшую черту этого писателя – изначальную особенность в восприятии самого литературного героя. Достоевского литературный герой интересует не как явление, обладающее определенными социально-типологическими и индивидуально-характерологическими признаками, а как особая точка зрения на мир и на себя самого, как «смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности» [7, с. 79]. Поскольку для Достоевского важно открыть, чем является для героя мир, а чем является он сам для себя самого, эта специфичность восприятия героя требует иной художественной индивидуализации, в которой элементы, слагаю-

ществляет человеческую душу, отвергает ее свободу, незаконченность и неопределенность, которые он как писатель изображал.

⁴ В. Виноградов подчеркивает, что судьба мелкого чиновника являлась самым частым мотивом в русской литературе сороковых годов [8].

щие образ героя, категорически отличаются от привычных. Бахтин также подчеркивает, что уже в первый, «гоголевский период» своего творчества, в образе Макара Девушкина Достоевский изображает не бедного чиновника (бедного человека), а его самосознание «как действительность второго порядка» [7, с. 82]. Поэтому то, что в кругозоре Гоголя было показано как совокупность объективных черт и формировало социально-характерологический образ героя, у Достоевского становится предметом его мучительного самосознания. Тем более писатель заставляет героя даже свою бедную наружность созерцать в зеркале: на пути к генералу Девушкин видит себя в зеркале и настолько смущается, что у него губы начинают дрожать, ноги трясутся, ему стыдно, как будто он с ума сойдет из-за увиденного в зеркале! Герой в зеркале сам видит то, что Гоголь описал в *Шинели* как внешность Акакия Акакиевича, но чего тот не видит и не понимает. Поскольку здесь художественное видение оказывается не перед действительностью героя, а перед фиктивным осознанием им этой действительности, все зафиксированные черты героя, оставаясь содержательно одинаковыми, получают иное художественное значение. Таким способом гоголевский герой становится героем Достоевского⁵. Для темы дан-

⁵ Бахтин считает, что Достоевский «произвел как бы в маленьком масштабе коперниковский переворот». В *Бедных людях* писатель, как сам подчеркивает, «впервые попытался показать, еще несовершенно и неясно, нечто внутренне незавершенное в человеке, чего

ной работы очень важным является несомненный факт, что как писатель Достоевский уже в своем первом произведении преуведомлял о радикально новой позиции по отношению к герою, маленькому человеку, униженному чиновнику, и в том смысле и по отношению к существующей модели мира, т. е. к жанру о бедных людях/бедняках и известной идее существования, к которой он стремится. В конце писатель в романе использует голос Девушкина с целью представить и полемику с Гоголем, пародийно окрашенную чтением гоголевской *Шинели* и личной реакцией Девушкина, которого оскорбил рассказ об Акакии Акакиевиче.

В новой сербской литературе жизнью бедных, нищих и больных людей особенно занимался Б. Станкович. Согласно исследованию [3, с. 14], первое упоминание о Достоевском у сербов произошло в 1847 г., когда в газете «Подунавка», в колонке «Смеси», наряду с короткими новостями из русской литературы того времени было напечатано и сообщение о том, что в новой русской беллетристике особое внимание привлек роман *Бедные люди* Достоевского. Это произошло через год после публикации *Бедных людей* в приложении в *Петербургском сборнике*, а за много

Гоголь и другие авторы «повестей о бедном чиновнике» не могли показать со своих монологических позиций» [7, с. 99]. Согласно этому толкованию полифонический роман Достоевского становится мощным гносеологическим инструментом, посредством которого совершается проникновение в неовещественную сторону человеческого существа, вникает в самосознание.

лет до опубликования романа на сербском языке в городе Панчево в 1888 г. В литературе мы встречаем факт, что Станкович читал романы *Бедные люди* и *Записки из мертвого дома* Достоевского. Станкович, как и поэты, которых привлекает нищее, злополучное, несчастное, бездомное, интересовался необычными, странными судьбами людей, принадлежащих к маргинальным группам, а также проявлял интерес именно к таким произведениям Достоевского, как *Бедные люди* и *Записки из мертвого дома*, из-за характера героев и проявленной человечности. Известно, что упомянутые произведения произвели на него глубокое впечатление.

Мир бедных и несчастных людей Б. Станкович описал в повествовательном цикле тематикой и жанром объединенных коротких рассказов под названием *Божьи люди*. Вокруг тематики божьяков (нищих, убогих), которая как интегративный центр цикла выдвинута в названии, были собраны рассказы о божьих людях, попрошайках и юродивых, живущих в городе Вранье до освобождения от турок, в период, определенный терминами «начало освобождения» и «перед войной». Жители г. Вранье почитали этих, как верилось, святых людей.

Божьи люди были опубликованы в 1902 г., а второе, исправленное издание этой книги появилось в 1913 г. От лирического мира молодых лет, горячности и изобилия (*Из старого евангелия, Старые дни*) Станкович переходит к непривлекательному миру враньских попрошайек,

травников и божьяков. Наряду с образами этих бедняков, среди которых есть сумасшедшие с самого детства, в художественный мир *Божьих людей* входят болезнь, безумие и смерть.

Божьяки Станковича принадлежат к художественному образу чудачков и попрошайек. Их мир лишен многих жизненных составляющих, среди которых особенно выделяется отсутствие дома и домашнего очага. Вместо теплого и уютного дома они обычно живут в земляных ямах и затхлых избах, а некоторые даже в могилах. Их бездомничество проявляется в виде биологических, социальных и психологических мотивов холода, голода, страха, уединения от людей, стремления к собственничеству, желания доминировать и мотивов болезней. Например, божьяк обычно испытывает инстинктивную потребность в защите тела от холода, поэтому он укутывается и чрезмерно наваливает на себя одежду, лохмотья и разные отрепья. Этот бред, происходящий от физиологического чувства холода, был мотивирован социальными условиями его жизни попрошайки и нищего. В психологическом плане этот бред связывается с отсутствием уюта и стабильной жизни, чем изначальный мотив холода приближается высшему мотиву экзистенциальной незащищенности божьяков. У некоторых, как и в рассказе *Тайя*, телесные потребности показаны как неутолимые, так что их сопровождают неумеренные и странные способы удовлетворения: образ Тайи является особенно живописным, по-

скольку он натянул на себя несколько предметов одежды, а то, что не успел надеть, прячет в углах избы или закапывает в землю. Когда божьяки появляются в виде массы, как в рассказе *Поминование умерших*, эта многочисленность делает их появление монолитным. Тогда в описании выделяются предметные детали, большие переметные сумы, сумки и кувшины для питья, как материализованные формы их жизни, сведенной к элементарным, физиологическим потребностям.

Сам Станкович особенно ценил свое произведение *Божьи люди*. Но, хотя оно занимает особое место в творчестве писателя, в литературной критике оно упоминалось заметно реже, чем другие произведения Станковича. Восприятие *Божьих людей* необычно вследствие двух причин: во-первых, и до Станковича в европейской литературе уже существовала длительная традиция использования мотива попрошайки, а во-вторых, мотив попрошайки встречается и в некоторых других произведениях Станковича⁶.

⁶ В этом смысле особенно интересны повести *Первая слеза* и *Станоя*, которые свидетельствуют о том, что Станковича еще до *Божьих людей* интересовала судьба божьяков, нищих и попрошаек. С другой стороны, во многих повестях в целом, в повестях о божьих людях из одноименного сборника, а также и сборников *Из родного края* (1928) и *Мои знакомые* (1928) Станкович писал о людях, уничтоженных разными болезнями и страстями. Вместо любви и поэтических взлетов души к прошлому и красивому в повестях *Наза*, *Йовча*, *Бабушка Стана*, *Риста бояджия*, *Стеван Чукля*, *Старый Василий* и в повестях о божьяках Станкович изображал странные судьбы героев, отмечая амбивалентные мотивы и темные

Несомненно, божьяки как культурологический феномен связываются с контекстом социальной критики, а типологически сходны с юродивыми русской литературной традиции, особенно у Достоевского. И сам писатель свое погружение в мир божьяков объясняет словами, согласно которым мотив божьяков можно связать с упомянутой традицией⁷. Но вторжение традиции, ее содержание и влияние на произведение *Божьи люди* придется еще подробнее обработать в плане литературы. Когда речь идет об от-

раздвоения в их натуре. Вследствие упомянутого он художественную мотивировку с психологического, общественного и этического уровня передвигал и связывал с биологическими и патологическими причинами семейного, душевного и телесного упадка. Находя связь между расстройствами в героях и их судьбами и ранними или поздними трагическими событиями, репрессиями в области любовных, сексуальных и общественных отношений и патологическими и психофизиологическими факторами, Станкович в значительной степени расширил тематические рамки своей прозы.

⁷ В письме Милану Савичу, редактору журнала «Летопис матице српске», Станкович пишет:

У меня есть один сборник, так наз. *Божьи люди*. В нем я собрал и описал один особый мир, поколение, которое жило во Вранье до освобождения. Это были попрошайки, слепые, гадательницы, травники и другие. Все они жили одной милостыней. Потому что верилось так: когда им дадут поесть за упокой души своих близких, это как будто самим умершим дано и как будто это они, мертвые, поели. Среди них были те, которых считали святыми, Божьими людьми. И когда те умирали, их обмывали, обряжали и хоронили самые знаменитые люди (старые женщины)...

Вообще, очень похоже на русских юродивых.

Только в большей степени, сильнее представлено [4, с. 340 – 341].

ношении Станковича к Достоевскому, можно подтвердить лишь усвоение его основной концепции о бедных людях, а вне этого контекста *Божьи люди* связываются с сильным влиянием фольклора на Станковича, и в этом смысле божьяк, т. е. попрошайка, представляет собой мифологического предка.

Станкович как человек, описывающий Вранье, в повествовательном цикле *Божьи люди* обработал религиозный контекст его жизни. Он особенно задержался на божьяках, тех, как верилось, святых людях, которых жители г. Вранье особенно уважали. Представляя отношение патриархальной среды к нищим, писатель тематизировал архаический взгляд на мир коллектива, в котором особенно важен культ предков. Здесь божьяков считают мифологическими предками⁸.

⁸ Веселин Чайканович толкует божьяков как верование примитивного человека, сохранившееся и в народном творчестве современного мира, в то, что божество – замаскированный неприметный человек, скиталец или попрошайка, который странствует по миру, приходит в дома людей, испытывает человеческие достоинства, награждает или наказывает. Учитывая важность культа предков в религии славян, Чайкановича не удивляет то, что предков они считают божествами начального уровня и что в попрошайках, которые должны быть замаскированными божествами, видят «олицетворенного предка». По его мнению, слово «нищий» (на сербском «убог») и «божьяк», которое описывает попрошайку, лучше свидетельствует о веровании народа, что попрошайка представляет экспонент божества или само божество. Поэтому, согласно народному верованию, нищим обязательно надо подавать милостыню. Этот обычай особенно соблюдается в день поминовения умерших, в день сербского

С мотивом божьяков писатель ввел в произведение и элементы коллективной памяти. Приближение к традиции предоставило возможность реконструкции глоссария народной культуры, в котором отражены верования и коллективные представления наивного сознания. Традиционная культура оказала значительное влияние на тематику *Божьих людей*, где отношение среды к божьякам мотивировано их функцией в культе предков⁹.

Мир божьяков занимает особое место в жизни города Вранье. Их роль олицетворенных предков, которая характерна для среды,

семейного праздника – Славы, на Рождество и в день поминания предков. Поскольку при посещении дома нищими подразумевалось посещение самого божества (теофания), Чайканович сделал вывод, что в отношении людей к нищим преобладает не этическая, а религиозная основа [16, с. 128 – 153].

⁹ Огромная важность культа предков представляет собой главную характеристику старой сербской религии. Все праздники годового круга группируются вокруг этого культа, а большинство жертв было предназначено для предков. На основании многолетнего изучения старой сербской религии В. Чайканович пришел к выводу, что без преувеличения можно сказать: «сербская религия в целом сводится к культу предков». Согласно его толкованию, с этим культом особенно связаны: панспермия, смешанная жертва в виде плодов, принесенных в одно и то же время и в одном и том же культовом месте; эпифания предков; пост; употребление орехов в свадебных обрядах, «свадебные орехи» и бдения у покойников [16, с. 258 – 306]. Элементы культа предков в *Божьих людях* находятся в мотивах божьяков, поминовения умерших и бдений. В пользу мнения о влиянии традиции на произведение *Божьи люди* свидетельствуют и другие мотивы, окруженные картинами языческой имажинации: кладбище, глубокая ночь, луна/лунный свет.

почитающей культ мертвых, очень заметна в картинах ритуальных действий, усиливающихся во время поминовения умерших (пожертвование пищей, милостыня за душу покойника). Сумасшедшим и бездомным дарят материальные ценности, оставшиеся после тех, кого «земля у солнца отняла», или тех, которые представляют избыток. Полусумасшедших и злобных заставляют замолчать, угождая им. Женщины ритуально обмывают и обряжают умершего нищего, а мужчины/хозяева несут его в церковь и хоронят... Поскольку в появлении нищего подразумевалось посещение самого божества, отношение среды к божьякам в основном объясняется не социальными или этическими, а религиозными мотивами. Но дух патриархального коллектива должен был и нравственно культивировать богобоязненность и милосердие к попрошайкам. Вследствие упомянутого очень трудно разъяснить, какие поступки людей по отношению к нищим мотивирует суеверие, а когда в этих поступках проявляется кодекс христианства, в рамках которого добро вознаграждается, а за зло расплачиваются, и оно наказывается. Как говорится в народе: «Добра ищут, а худо само придет». И пословица: «Худо жить тому, кто не делает добра никому». В коллективном поведении содержится и серьезная нравственная и эмоциональная уверенность, что делать добро ближним — правильно. Несчастливая судьба божьяков напоминает патриархальной среде о том, что беда и горе могут в

жизни постигнуть всех¹⁰. С другой стороны, современная аналитическая, психологическая перспектива и прием, с помощью которого Станкович обработал проблематику божьяков, дают возможность читать произведение *Божьи люди* как литературную прозу, которая предоставляет пересечение разных слоев человеческого существа (биологического, социального, психологического), человеческой жизни и духовности. Эти подходы позволяют сопоставить произведение *Божьи люди* Б. Станковича и произведение *Бедные люди* Достоевского. Этим подходам посвящен и нижеследующий обзор.

Надо подчеркнуть, что соответствие бедных и божьих людей проистекает из типологической схожести тематики: бедность, тема мании, страсти, которые граничат с сумасшествием, болезни, с одной стороны, и гуманистическая ориентация на понимание и симпатию к такому миру, с другой стороны.

Нищий, попрошайка или бедняк, чиновник, преданный человек, которого к жизни привязывает несчастье, который страдает и грустит, потому что его мучат беда, страсти, ма-

¹⁰ Теоретик культуры Клиффорд Гирц подчеркивает, что религия никогда не является только метафизикой. Религиозные символы, формы и средства обожания у всех народов окутаны аурой глубокой нравственной серьезности. В этих рамках святое не только побуждает преданность, а и требует ее, «оно не только приводит к интеллектуальному согласию, а делает более сильной и эмоциональную привязанность» [9, с. 175].

ния или болезнь. Девушкин пишет Варю:

Я живу в кухне, или гораздо правильнее будет сказать вот как: тут подле кухни есть одна комната (а у нас, нужно вам заметить, кухня чистая, светлая, очень хорошая), комната небольшая, уголок такой скромный... то есть, или еще лучше сказать, кухня большая в три окна, так у меня вдоль поперечной стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната, номер сверхштатный; всё просторное, удобное, и окно есть, и всё, — одним словом, всё удобное. <...> Правда, есть квартиры и лучше, — может быть, есть и гораздо лучшие, — да удобство-то главное; ведь это я всё для удобства, и вы не думайте, что для другого чего-нибудь [10, с. 5 – 6].

Почти каждое слово из письма Девушкина выражает заботу о чувствах собеседницы, которой письмо и адресовано. Отношения Девушкина и девушки сложные, поскольку они оба бедные, он ее любит, но из-за разницы в возрасте и ее деликатного положения он чрезмерно заботится и жертвует собой. Поэтому в письме он боится, чтобы она не подумала, что он жалуется, и тогда он старается сообщением о своей жизни в кухне не растревожить собеседницу. Но такое поведение не характеризует только отношение его к Варю. Оно находится в основе мировоззре-

ния героя, оно является частью характера, трепещущего от возможного унижения со стороны других людей, угрозы, упрека и нехороших взглядов, чья гордость и социальное самосознание не переносят сожаления. Поэтому Девушкин, как было подчеркнуто, после чтения гоголевской *Шинели* понимает это произведение как пасквиль на себя, как обиду, нанесенную всем чиновникам. Уединенность и боязнь окружающего мира мотивируют его социальный статус (запах давящей нищеты) и биологические и психологические причины (осознание старости, любовь к Варю, которая намного младше его). Описывая дом, в котором живет, он рисует унылую картину бедного района и подробности собственной жизни.

Во-первых, в доме у нас, на чистом входе, лестницы весьма посредственные; особенно парадная – чистая, светлая, широкая, всё чугуном да красное дерево. Зато уж про черную и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стены такие жирные, что рука прилипает, когда на них опираешься. На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развешаны, окна повыбиты; лоханки стоят со всякою нечистью, с грязью, с сором, с яичною скорлупою да с рыбьими пузырями; запах дурной... одним словом, нехорошо (10, с. 13).

Состояние Девушкина является сложным из-за того, что его мучит печальное положение остальных жильцов, особенно соседа Горшкова, а также нищих, живущих на улице. Боясь людей, пытаюсь скрыть собственную нищету, Девушкин сочувственно замечает, что и семья Горшкова живет бедно, уединенно и тихо, как и «люди смиренные». Он замечает подробности о Горшкове (седенький, маленький), а также и то, что одежда Горшкова хуже его. Кроме того, что сосед его хилый и что у него руки, голова и ноги трясутся, как у больного, Девушкин замечает, что он боязливый: боится всех, «ходит стороночкой» [Там же, с. 15]. Интересно то, что в словах о Горшкове непосредственно проявляется и личное, собственное состояние самого Девушкина. В одном из писем к Варе, говоря о печальной нищете, в которой он живет, и об издевательствах хозяйки и друзей, он говорит и о себе подобно: он должен скрываться от всех, когда ходит в должность – идет бочком, сторонится. Сравнивая себя с соседом, он рассуждает: «Уж я застенчив подчас, а этот еще хуже» [Там же]. Сочувствие, которое он выражает к бедным, с которыми имеет подобный жизненный опыт, приближает Девушкина к соседу Горшкову, а также и к герою пушкинского рассказа *Станционный смотритель* – Симеону Вырину.

С Девушкиным и Горшковым можно сопоставительно и градационно проанализировать и старика Покровского. Покровский «странный

донельзя», маленький, седенький и неловкий старичок, дурно одетый и неуклюжий. «С первого взгляда на него можно было подумать, что он как будто чего-то стыдится, как будто ему себя самого совестно» [Там же, с. 26]. Он отмечен неясной женитьбой и отцовством, боязлив и часто нетрезв. Униженный и брошенный, он с уважением и рабски покорно относится к сыну, бедному студенту, хотя тот не уважает отца.

Рассказ об отце и сыне кончается смертью и сумасшествием. Эти моменты, изобилующие символикой, интонированы трагически. С одной стороны, последнее желание молодого Покровского увидеть день и солнце, символы света Божьего, пока не покинет этот мир, не осуществляется, поскольку стоял день хмурый, который в переносном значении был мрачным и тяжелым, как и сама жизнь умирающего. С другой стороны, бедный старик, сумасшедший и безумный, провел три дня у умирающего сына. С множеством деталей описано его безумное состояние, близкое к сумасшествию: боль и страх из-за смерти сына заставляют его бежать за санями, везущими гроб, и он громко плачет, пока его голова мокнет под дождем, а мороз режет и щиплет лицо. Прохожие как будто смотрят изнутри, чувствуя его острую боль, и, потрясенные сценой, снимают шапки и крестятся.

И, с другой стороны, у Станковича герои сходят с ума вследствие огромной нагрузки, которую не могут нести на своих плечах. Травница

умерла в желании найти таинственное растение расковник, а Бекче пропал, бредя во время зловещего лунного света.

Сложная мотивация у Станковича особенно ясно проявляется в рассказах *Митка* и *Бекче*. В первом рассказе она связывается с роковой болезнью (привязанностью к спиртным напиткам, алкоголизмом), разрушившей сознательную часть личности героя, а тем самым способствовавшей семейной трагедии. Когда он не пьет, Митка бывает завидным, аккуратным, трудолюбивым и, можно сказать, вежливым человеком. Но это бывает редко и длится недолго. Когда он выпивает, его поступки показывают невротическое поведение: соматическая ненасытность заставляет его «вырубиться от алкоголя», а потом его, заснувшего, часто находят около могил. Его болезнь, прежде всего, проявляется в его физическом поведении: «Когда он ходит, ходит согнувшись, скрываясь, ходит по бокам, моргая и шмыгая носом, как будто он плачет». Важные детали о герое можно найти и в конце рассказа:

Лишь когда он вырос, хозяин заметил его. А именно из-за его необычной красоты. Особенно у него глаза были хороши. Большие, черные, но как-то странно ласковые, ласковые, – даже печально ласковые [11, с. 291].

Здесь болезнь связывается с меланхолией и чувствительностью души героя, души, у которой есть склонность к депрессии, которая рас-

крывается посредством мотива печальных глаз как признака судьбы.

Во втором рассказе под названием *Бекче* у героя есть инстинктивные побуждения выделяться в окружении божьяков и крестьян, а также и нарциссическое поведение. Стремление к подтверждению и успехам обычно является естественным поведением человека. Но то, что у Бекчета является обычным, проявляется как странное и ненормальное, и выявляется в состоянии опьянения:

Итак, идя от дома до дома, становится пьяным. Но тогда он не ходит, как другие, не влезает на заборы и в сараи спать, храпеть, валяться пьяным в пыли, а он поет во весь голос, спотыкаясь, как холостяк проходит мимо домов самых богатых и красивых девушек и посещает лучшие трактиры, где танцует и поет. А этот его танец – своего рода трясение силой, подпрыгивание, упирание коленями в пол, в землю, – таково, что кто-то другой после этого неделю не поднялся бы из постели, а у него даже пота не бывает. А и когда стемнеет, он и тогда не устает, не успокаивается. Тогда он направляется из города в далекие, пустынные улицы, в поля и виноградники, и там один поет, бродит... [Там же, с. 293 – 294].

Страсть Бекче к бродячей жизни мотивирована его беспокойством.

В рассказе это беспокойство связывается с появлением лунного света, хотя лунный свет в рассказе не является поэтическим символом вдохновения, мечтаний, духовного взлета. В смущенной и расстроенной душе Бекче нет психологической опоры для наслаждения лунным светом, поскольку обсессивный характер его интереса к луне проявляется в виде душевной болезни. Согласно тому, как он описан в рассказе, этот поход на луну вызывает тревогу и убеждение, что в течение одной из бродячих ночей божьяк совсем исчезнет.

Ночь, особенно глухая ночь, создает обстановку лучших рассказов о божьих людях. Атрибуция и фольклорная символика ночи имеют функцию предвестника смерти. И страсть к бродячей жизни Бекче в рассказе связывается с луной и обсессивным интересом к этому явлению. Зловещая сила луны в рассказе выражается представлением о герое-лунатике, когда делается намек на его обсецию, связанную с бесом. Связывание жизненного крушения и предвещаемой смерти божьяка с небесным светом имеет параллели и в народных представлениях о луне, «пьющей человеческую жизнь», и об отрицательных качествах луны. Луна растет, уменьшается, в народном воображении ее съедает чудовище, или она сама представляет чудовище, которое огромной глоткой сосет кровь, пролитую на землю. Поэтому луне приписывается зловещая сила. Пагубное влияние луны и катастрофа, которую она производит, представляют при-

чину смерти божьяка у Станковича. Таким образом, в рассказе и в литературе и фольклоре вообще луна является эпифанией смерти.

Божьи люди Станковича и *Бедные люди* Достоевского представляют пересечение жизни и человеческой духовности. Они показывают причины горя и страдания в человеческой жизни. Беда, боль и потеря связываются не только с мотивами сознательного человеческого существа и с общественными условиями, в которых человек живет, а с человеческим несовершенством и с иррациональными побуждениями в инстинктивных, подсознательных и патологических слоях личности. И у Достоевского, и у Станковича легкость и счастье отступают перед трудностями, болями, бедами, поражениями. Но у бедных людей, живущих на обочине, тоже есть потребности в высших ценностях: в любви, порядке, красоте и жизненных радостях. Они привлекают всех. Они живут и в бедных, измученных, страдающих. Напоминают о том, что в духовном страдании и жизненных поражениях все-таки есть добро и свет, там где сохранились человеческие мечты и стремления.

Рассказы Станковича о гуманности и человечности, о которых писал и Достоевский, являются очень близкими к рассказам о бедных людях. Несмотря на то, находят ли они свою опору в критических отношениях к миру или в гуманистических и христианских мотивах, этика понимания невольников как ближних свя-

зывается с фактом, что побуждения героев, даже сумасшествие и странные страсти, представляют страдательное и мрачное лицо одного более или менее известного, но бедного человеческого мира.

Библиографические ссылки

1. Адлер А. Индивидуална психологија. Београд : Космос, 1937.
2. Бабовић М. Достојевски. Београд : ЛЕНТО, 2007.
3. Бабовић М. Достојевски код Срба. Београд : Универзитет у Београду, 1961.
4. Бајић Љ. Књижевно дело Борисава Станковића у настави. Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2002.
5. Бајић Љ. Регионална тематика у књижевној прози Борисава Станковића // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад : Матица српска, 2003. С. 17 – 27.
6. Бајић Љ. Фолклорни мотиве у збирци Божји људи Борисава Станковића // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад : Матица српска, 2008. С. 25 – 34.
7. Бахтин М. Проблеми поетике Достојевског. Београд : Нолит, 1967.
8. Виноградов В. Эволюция русского натурализма. Ленинград, 1929.
9. Гирц К. Тумачење култура. Београд : Чигоја штампа, 1998.
10. Достојевски Ф. М. Понижени и увређени, Бедни људи. Београд : Рад, 1977.
11. Станковић Б. Стари дани, Божји људи. Београд : Просвета, 1979.
12. Соловјев В, Булгаков С. Достојевски. Београд : Службени гласник, 2009.
13. Стојановић Д. Читање Достојевског и Томаса Мана. Београд : Нолит, 1982.
14. Стојановић Д. Рајски ум Достојевског. Београд : Филолошки факултет : Чигоја штампа, 2003.
15. Ћосић Б. Десет писаца – десет разговора. Београд : Издавачка књижарница Геце Кона, 1931.
16. Чајкановић В. Мит и религија код Срба. Београд : Спрска књижевна за- друга, 1973.

**THE POOR PEOPLE THEME IN THE SERBIAN AND RUSSIAN
LITERATURE: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WORKS
BY F. M. DOSTOYEVSKY AND B. STANKOVICH**

The paper examines the theme of poor people in Serbian and Russian literature by means of a comparative approach to the analysis of works by F. M. Dostoevsky and B. Stankovich. The author compares the genre, traditional, religious, ethical and social elements of the literary picture of Dostoevsky's world of poor people and B. Stankovich's «bozhiaks» world and explores their intertextual relationship.

Keywords: poor people, «bozhiaks», Dostoevsky, Stankovich, tradition, inter-textuality.

УДК 821.161.1

И. Н. Минеева

**КНИГА КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАВМЫ
В ДЕВИЧЬЕМ ДНЕВНИКЕ В. А. ГОРНОЙ 1941 – 1945 гг.**

Статья посвящена анализу рукописного девичьего дневника В.А. Горной, обнаруженного в ее личном семейном архиве в 2015 г., в контексте осмысления травматического опыта и путей его переживания. Зафиксированные в дневнике впечатления, рассуждения, ощущения были порождены единственным желанием молодой девушки – желанием выжить, сохранить свою идентификацию. Важную роль в ее самосохранении и спасении в условиях нищеты, голода, одиночества сыграла книга. Она всегда появлялась в жизни В. А. Горной тогда, когда подступали боль, голод, болезни, недомогания, скука. Книга ассоциировалась в сознании подростка с жизнью, радостью и спасением от смерти. В научный оборот материалы вводятся впервые.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети войны, травма, юношеский дневник, война и книга.

На рубеже XX – XXI вв. в отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных едва поддающемуся описанию страшному, трагически-парадоксальному феномену «дети войны», «дети на войне», «дети в тылу», «дети в эвакуации», «дети в гетто и концлагерях», «дети в блокадном Ленинграде», «дети и война»,

«дети после войны», предприняты первые попытки осмысления детского/юношеского травматического опыта, зафиксированного в свидетельствах, дневниках, письмах, воспоминаниях [2; 3; 6; 7; 8].

Война для детей стала войной за личное выживание, опытом потери/сохранения родовой/семейной, на-

циональной, географической самоидентификации, испытанием насилем, стремлением «материализовать следы своего существования» [8], освобождением от ужаса, осмыслением собственной раздвоенности/расщепленности до войны и во время войны, одиночества, отдаленности и отдельности от родителей, родных и дома, постижением смысла смерти и разных форм ее проявления [Там же].

В последнее десятилетие благодаря публичным и частным проектам продолжается работа по мемориализации, реабилитации, постижению индивидуального детского опыта войны на новом цивилизационном, эпохальном и мировоззренческом уровнях – книга памяти С. Алексеевич «Последние свидетели: соло для детского голоса» (М., 2007), «Война глазами детей. Свидетельства очевидцев» (М., 2011), роман Е. Крюковой «Беллона» (Н. Новгород, 2014), «Война глазами детей» (Казань, 2014), «Детская книга войны. Дневники 1941 – 1945» (М., 2015), Интернет-проект «Прожито.ру» (2015) и др. Активизировавшееся в наши дни стремление писателей, исследователей, читателей осмыслить частный случай переживания ребенком войны, «жажда факта», «правды», «первоисточника» [5] обусловлены прежде всего кризисом доверия и разочарованием в идеологии, политизированностью исторических статей и монографий и учебников, появившимися альтернативными формами истории, продолжающейся «работой памяти и горя» и «возвращением жути непохо-

роченного, неоплаканного советского опыта» [4; 9; 10].

Цель настоящей статьи – представить наблюдения над рукописным девичьим дневником В. А. Горной, обнаруженным в ее личном архиве в 2015 г., в рамках заявленной темы статьи. В научный оборот семейный архивный материал вводится впервые¹.

Виулена Арнольдовна Горная родилась в Одессе в 1924 году. По происхождению этническая еврейка. Рано лишилась матери. Воспитывалась бабушкой и тетусками. Отец, военный инженер третьего ранга, жил в другом городе. Войну В. А. Горная встретила в Одессе. «Мы поняли, – вспоминает она, – что война будет долгой и кровопролитной. Немцы беспощадно бомбили... в советских газетах стали открыто писать об изощренных пытках, зверских убийствах... концлагерях и массовом уничтожении евреев» [1, 38 – 39]. В августе 1941 г. была эвакуирована в Узбекистан. Выбор Азии оказался вызван бытовыми причинами. Не имея с собой теплых вещей, на Востоке было легче перезимовать. Вместе с другими беженцами (русскими, украинцами, молдаванами, польскими евреями, поволжскими немцами) В. А. Горная поселилась на станции Серово Ферганской железной дороги. В отличие от Ташкента там была работа и

¹ Выражаю искреннюю признательность В. А. Горной и И. Н. Горной за возможность познакомиться с семейным архивом.

жилье. Общим пристанищем стал огромный глиняный барак. В. А. Горная устроилась работать кассиром в фотоателье. В 1942 г. переезжает в Ташкент, который после страшных барачков и трущоб, страшного голода и нищеты ошеломил ее будничной суетой: «Дамы, разодеты в пух и прах, в больших шляпах, с ярким макияжем и маникюром, неспешно прогуливались, болтали со знакомыми. Словно и нет войны, и тысячи людей не гибнут ежедневно» [1, с. 50]. Вскоре по вызову отца уезжает в Челябинск (поселок Бакал). Там осуществилась ее мечта окончить школу. В 1943 г. В. А. Горная поступает в Московский энергетический институт. Однако училась без энтузиазма. Не давали покоя детско-юношеские грезы о дипломатической карьере. «Временами они словно гипнотизировали мой мозг» [Там же, с. 59]. В 1943 г. пишет заявление об уходе из института и возвращается из Москвы в Бакал, где впервые за годы войны «отведала нормальный обед» [Там же, с. 61]. С 1944 г. – учеба в Джембуле на юридическом факультете Ленинградского института. 1945 г. – эвакуация вуза и встреча долгожданной победы в праздничном, нарядном Ленинграде. Когда по радио передали сообщение о капитуляции Германии, «все мы выскочили на набережную Невы. С кораблей зазвучали торжественные марши... но никто не кричал «ура», не пел песен. Радость победы омрачалась мыслями о страшных утратах, потере близких и разорении страны... Кончилась война,

жизнь постепенно налаживалась, но эры благополучия и достатка никто не ждал. Страна была истерзана и обескровлена, и мы понимали: нужны десятилетия для возвращения к нормальному бытию» [Там же, 72 – 73].

В. А. Горная вела дневник на протяжении всей войны². Он представляет собой краткие фрагментальные записи, сделанные ручкой или простым карандашом в блокнотах и обрезанных пополам тетрадях зеленого цвета. В настоящее время сохранились не все материалы, некоторые страницы были утеряны в связи с многочисленными переездами во время и после войны. Наиболее полно представлен дневник 1941 и 1942 годов. По словам В. А. Горной, вести каждодневные записи ее подтолкнуло желание «изливать душу». «Свои впечатления, – вспоминает она в устной беседе с автором статьи, – я не могла рассказывать своим знакомым».

О чем умалчивал во время войны дневник девушки? В сделанных В. А. Горной записях содержатся размышления о том, что такое война, родина (идеологическая, семейная/ «бабушкина»), голод, правда, ложь, книга, бюрократия в эвакуации, что такое фашизм, кто такой друг, кумир и враг. Дневник отражает картину взаимоотношений между русскими, евреями и узбеками, включает сведения о культуре европейской и средне-

² Дневник В.А. Горной. 1941 – 1945. Рукопись. При цитировании текста дневника сохраняются авторская орфография и пунктуация.

азиатской частей страны, судьбе «врагов народа» (дворян, ссыльных профессоров), вузов и т. д. Между тем все зафиксированные в дневнике впечатления, рассуждения были порождены единственным желанием подростка – желанием выжить, сохранить свою идентификацию. Важную роль в самосохранении и спасении в условиях нищеты, голода, одиночества сыграла книга. Она всегда появлялась в жизни В. А. Горной тогда, когда подступали боль, голод, болезни, недомогания, скука. Книга ассоциировалась в сознании девушки с жизнью, радостью и спасением от смерти. Приведем некоторые записи:

Четверг 25 сентября 1941 г. ст. Серово

Наум заболел. У него желудочное заболевание. Я читаю «Морской волк». Читаю с интересом. Вечер сегодня отвратительный, довольно значительной силы. В воздухе облака пыли, забивает дыхание, засыпает глаза.

Суббота 27 сентября 1941 г. Серово

Читаю рассказа Джэка Лондона «Поездка на «Ослепительном»»

Понедельник 29 сентября 1941 г. Серово

Читаю рассказ Джэка Лондона «Children of the Frost» Я уже прочла рассказ «В дебрях Севера». Я себя плохо чувствую. Голова болит. В глазах у меня что-то мутно.

Вторник 30 сентября 1941 г. Серово

У меня флюс. Сильно опухла щека... Взяла в библиотеке стихи

Маяковского. Читаю пока рассказы Джэка Лондона

Понедельник 13 октября 1941 г. Серово

Читала «Преступление и наказание» Достоевского. Я себя плохо чувствовала ночью.

Четверг 30 октября 1941 г. Серово

Читаю Льва Толстого «Воскресение».

Вторник 6 января 1942 г. Серово

С продуктами туго с хлебом неладно. Читаю «Ярмарку Тщеславия» Теккеря.

Вторник 17 марта 1942 г.

Прочла «Макбет» Шекспира. К великому сожалению это всего первое произведение Шекспира прочитанное мной. Я бы хотела прочесть «Гамлет» и «Король Лир». Я последние дни голодна. Хлеба нам не хватает.

Четверг 16 марта 1945 г. Ленинград

Жду Тамару как манну небесную в надежде, хотя бы пара дней не быть голодной. Ведь теперь не больше 5-ти часов. Хлеба получу завтра. Ох как долго ждать! Ветер на улице бушует да книги интересной нет, чтоб забыть голод.

Чаще всего В. А. Горная осознанно выбирала произведения отечественных и зарубежных авторов (как входящих в круг официальных и запрещенных), в которых фигурировали героини молодые, сильные, самостоятельные, свободолюбивые, гуманные. Подобный выбор придавал молодой девушке силу, энергию, уве-

ренность в себе и давал надежду на продолжение жизни и возможность мечтать. Наиболее любившимся книгам или высказываниям она посвящала отдельные в дневнике фрагменты:

**Воскресенье 28 сентября 1941 г.
Серово**

Только что окончила рассказ Джека Лондона «Поездка на “Ослепительном”» Мальчишеские мечты Джо близки мне Если бы мне сейчас предложили сесть на корабль и перенести все что он, я бы согласилась Я с детства мечтала быть капитаном дальнего плавания. Если бы я могла осуществить эту мечту, то осуществила и не променяла бы ее на дипломатию.

**Воскресенье 12 октября 1941 г.
Серово**

Окончила I часть романа Джэка Лондона «Мартин Идэн». Мне этот роман очень понравился. Он носит автобиографический характер Мне очень понравился образ Martin Edena его стремление к науке его энергия, целеустремленность, самостоятельность мысли, сила воли Martin Eden отрывается от своего класса, но он не может примкнуть к высшему. Он задыхается в одиночестве и гибнет потому что не имеет смысла и цели в жизни. Особенно мне нравится в Martin Eden вера в себя, в свои силы ...

Пятница 28 февраля 1942 г.

Кончила «В людях» Горького Меня просто изумляет та правдивость, которую изобразил Горький. Только Великий русский писатель мог так правдиво изобразить жизнь

мещан ... и всякий другой городской сброд.

Воскресенье 28 февраля 1942 г.

Прочла в «Правде» Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза за борьбу в тылу против немецких захватчиков Зое Анатольевне Космодемьянской – «Тане». В ноябре в «Правде» была напечатана статья «Таня», но я ее не читала, так как здесь очень трудно достать московскую газету ... есть сегодня статья «Кто была Таня». Я с большим интересом прочла эту статью и жажду прочитать статью «Таня». В «Правде» напечатан портрет Зои. Я свыше десяти раз разглядывала его и не могу наглядеться. Какое милое личико! Мне бы хотелось сохранить его, но газета чужая. С восхищением и завистью я прочла эту статью. О как бы я хотела быть на ее месте. Я кажусь себе такой ничтожной, потому что сижу в таком далеком тылу! О почему я не в Москве? Почему я не медсестра, не врач? Я была бы сейчас на фронте. Ведь мне тоже 18 лет и я тоже перешла в 10 класс. В статье есть выдержки из записной книжки Зои: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли (Чехов)». Быть коммунистом – значит дерзать, думать, хотеть, сметь (Маяковский). «Умри, но не давай поцелуя без любви (Чернышевский)». «За десять французов я ни одного русского не дам (Кутузов). «Ах, если бы латы и шлем мне достать, я стал б отчизну свою защищать ... Уж враг отступает пред наши полком, какое блаженство

быть храбрым бойцом (Гете)». «Какая любвиобильность и гуманность в «Детях солнца Горького!»». «В «Отелло» – борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло» – победа большого настоящего человеческого чувства! Прощай, прощай и помни обо мне!» Мне нравятся слова Зои «Приду героем или умру героем». Весь вечер я не могла заснуть. Я все думала о Зое. Если б я была русская, то непременно из Одессы не выехала, а осталась бы для партизанской работы. Мое еврейское происхождение сразу выдало б меня ...

Особого внимания заслуживает такая особенность ведения В. А. Горной записей, как частое переключение языкового регистра. Описывая то или иное событие или человека, девушка легко переходила с русского языка на английский с целью сохранения сакральности/интимности мысли, впечатления или, напротив, создания игривой, ироничной, озорной интонации. Согласно рассказам В. А. Горной, она намеренно не говорила о каких-то вещах на русском языке, боясь быть непонятой в идеологическом и бытовом смысле. Английский язык

стал неким спасением в самовыражении. Так, 28 ноября 1941 г. она пишет: «Читаю автобиографическое произведение М. Горького «Мои университеты». Ахметов have given me hundred and 50 p. Уж подходит отчет, but he have not money. What I must to do?» или 28 февраля 1942 года: «Лина спекла лепешки из смеси $\frac{1}{4}$ муки 3 сорта и $\frac{3}{4}$ жижига. Это желтая мука, которая идет на удобрение почвы. I was afraid to eat them, But I eat». Еще пример. 15 апреля 1942 года: «My aunt Eva is a very truslivaya woman. Мне просто противно делается, аж тошнит от этого».

Резюмируем сказанное. Зафиксированный в подростковой дневнике В. А. Горной травматический опыт – свидетельство поиска способов выживания, путей преодоления ужаса, боли, голода, осмысление раздвоенности положения, конструирование собственной идентификации в ином географическом, культурном, историческом пространстве. Важную роль в опыте выживания советской девушки сыграла книга. Она стала для нее символом связи с прошлым, мечты, силы, энергии, отражением сложного пути к своему «я».

Библиографические ссылки

1. Горная В. Есть что вспомнить. Петрозаводск, 2012. 240 с.
2. Дети и 41-й год. Что мы помним о войне. Что мы знаем о войне. Воспоминания бывших студентов биофака МГУ / сост. О. Гомазков. М., 2010. 324 с.
3. Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда // НЛО. 2003. № 60. С. 218 – 251.
4. Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман // НЛО. 2008. № 94. С. 174 – 206.

5. Мильчин К. В чем правда // Русский репортер. 2010. № 47 (175). URL: <http://www.rusrep.ru/article/2010/12/01/non-fiction> (дата обращения: 14.03.2017).
6. Неприкосновенный запас: Память о войне 60 лет спустя – Россия, Германия, Европа. 2005. № 2/3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2> (дата обращения: 03.04.2017).
7. Семейная память о войне // Урал. 2005. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/5/och8.html> (дата обращения: 28.04.2017).
8. Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса» // НЛО. 2008. С. 234 – 241.
9. Эткинд А. Время сравнивать камни: Постреволюционная культура политической скорби в постсоветской России // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 33 – 76.
10. Etkind A. Magical Historicism: from fiction to non-fiction // East European Memory Studies. March. 2011. № 4. URL: http://www.memoryatwar.org/MAW_enewsletter_Mar_2011.pdf; пер. с англ. сделан В. Холмогоровой и авторизован автором. URL: <http://polit.ua/analitika/2011/03/31/etkind.html> (дата обращения: 12.04.2017).

I. N. Mineeva

**BOOK AS A TRAUMA OVERCOMING
IN V. A. GORNAYA'S «GIRL'S» DIARY (1941–1945)**

This article analyzes the V. A. Gornaya's handwritten «girl's» diary, found in her personal family archives in 2015, in the context of thinking over the trauma and the ways it is being experienced. Her impressions, reflections and feelings written down in the diary have been derived from the girl's only desire – the desire to survive and keep her identity. The book played an important role in her self-preservation and salvation in poverty, hunger, loneliness. It always appeared in the V. A. Gornaya's life when pain, hunger, disease, sickness, boredom were coming. In the young girl's mind, the book was associated with life, joy and salvation from the death. Materials have been involved in scholarly analysis for the first time.

Keywords: World War 2, children of War, trauma, youth diary, the War and the book.

**ПОМОРСКОЕ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВИЕ
НА ВЛАДИМИРСКОЙ ЗЕМЛЕ (Часть 1)¹**

В статье рассматриваются некоторые аспекты феномена «Поморского древлеправославия» в качестве одного из направлений старообрядчества и уникального примера существования «аутопоэтических» (в терминах Умберто Матурана и Никласа Лумана) сообществ. «Поморцы» стремятся к сохранению «древлего благочестия» на протяжении более чем 350 лет в условиях противоречивых отношений с властями и другими религиозными объединениями. Анализируется ряд материалов архивов Владимирской области.

Ключевые слова: старообрядчество, древлеправославие, Никлас Луман, «аутопоэтические системы».

Введение: проблема и методология

Феномен «Поморского древлеправославия» формировался и трансформировался на протяжении более чем 350 лет. С XVII века его приверженцев власти могли именовать как «истинными ревнителями благочестия», так и нетерпимыми «еретиками», подлежащими сожжению. В XVIII веке отношение к ним в Российской империи становится более терпимым, а некоторые из этих сообществ начинают именовать «записными раскольниками» и «старообрядцами», а с XIX века – «единоверцами». В XIX – XX веках формируется научный подход к изучению религий («наука о религии», «религиоведение»), дополняющий «обличи-

тельную» литературу монографиями беспристрастно-исторического содержания (Н. Ф. Каптерев и др.). Новые радикальные изменения ситуации происходят в XX веке, который начался кратким «золотым веком старообрядчества» (1903 – 1928), когда за «поморцами» закрепляется статус «церкви» (1912), публикуются их древние «самоописания» («Виноград Российский», «История об отцах и страдальцах соловецких», «История Выговской пустыни» и др.). Этот период сменяется эпохой «атеистических гонений» (1929 – 1988), после которого начался современный этап «религиозного возрождения».

В этот период в центр дискуссий встает проблема «межстароверческих отношений» и поиска путей

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ(РФФИ)-ННИС № 15-23-06002, 2015 – 2017

преодоления «согласиецентризма» (термин М. О. Шахова), поскольку каждое согласие признает только себя «истинным христианством». Последнее обстоятельство принципиально осложняет диалог с другими согласиями и Русской Православной Церковью, требуя выработки консенсуса по пониманию терминологии корректного описания сформировавшегося многообразия «форм правоверного благочестия». Последнее не нашло решения до настоящего времени, требуя среди прочего детального научно-религиоведческого анализа.

В предлагаемом тексте для описания «Поморского древлеправославия» авторы делают попытку привлечения двух представляющихся нам эвристичными концепций «самобытности», или «аутопоззиса», получивших известность в XX веке, к которым относятся теории «аутопоззных систем» Умберто Матурана и «аутопойетических систем» Никласа Лумана [10, с. 7]. Такие «аутопойетические системы», если воспользоваться удачной формулировкой Б. Андерсона, являются «воображаемыми сообществами», поскольку они всегда, даже «за невозможностью личного контакта между ними, солидаризированы унифицированным воображением» [5, с. 31, 34.]. В этом контексте при неизбежном схематизме и условности необходимо отметить важность различения минимум четырех типологически дистанцирующихся подходов к феномену «поморцев», кратко представленных да-

лее, первый из которых выступает как их квалификация (описание) светскими властями в официальном публичном дискурсе, второй – описание их в официальном церковном дискурсе, третий – в «самоописаниях», включая Интернет, а четвертый – как научное (религиоведческое) описание феномена.

Для научного дискурса принципиальную важность имеет замечание М. О. Шахова, который писал, что «практически все современные религиоведческие исследования и справочные издания, формулируя определение старообрядчества, фактически солидаризируются с богословами Синодальной церкви» [21, с. 52]. Все они выдвигают на первый план признак «отделения», принимая распространенную позицию «большинства» в качестве самоочевидной и игнорируя понимание ситуации «меньшинством». М. О. Шахов справедливо полагает, что необходима разработка корректного категориального аппарата в интерпретации религиозных феноменов, являющегося очевидным условием фундаментального научного исследования как такового. Это важно не только в аналитическом плане, но и по этическим основаниям, поскольку только оно способно помочь снять некоторые проблемы оскорбления религиозных чувств верующих, провоцируя межконфессиональную напряженность и конфликты уже более 350 лет [Там же, с. 53].

Так, согласно концепциям «самобытности» («аутопоззиса») Умберто Матурана и Никласа Лумана, фе-

номены должны быть рассмотрены «изнутри», т. е. как обособленные и замкнутые системы (индивид или общество), которые в ответ на внешние «возмущения» порождают собственные образы «себя» и «иного» как «внешнего окружения», важные в коммуникативном контексте. Некоторые из этих образов, выбранных в качестве «знаковых», мы рассмотрим ниже с обобщенных позиций «языка второго порядка», призванного описать конфликтующие «языки конфессий» как «языки первого порядка».

В каждой культуре требуется однозначность соответствия между самоназванием религиозного объединения как уникальной социальной общности и не менее уникальным его публичным наименованием, которое препятствует его смешиванию с другими. Так, «истинным христианством» и «подлинной верой» именуется себя каждое из тысяч современных религиозных объединений, одни из которых могут иметь тысячелетнюю историю, тогда как другие распадаются уже через несколько дней, часто при этом квалифицируя всех кроме себя в качестве не просто «иного», но как «лжеверия», «еретиков», «самозванцев» и т. п., т. е. как «абсолютного зла». Такие «самоописания» способны провоцировать акты прямого насилия, экстремизма и убийств против этих «иных» ради защиты «истинной веры», как, к примеру, это происходило в случае печально известных «Варфоломеевской ночи» (1572), «Соловецкого сидения» (1667 – 1676), «акций Андреаса Брейвика»

(2011) или нынешних приверженцев «ИГИЛ» («ДАИШ», 2013 – 2017, запрещенного в РФ), ставя перед обществом и властями проблему личной и национальной безопасности. Каждое сообщество, осознав и провозгласив себя неким «единством», становится «аутопоэтической» системой, вырабатывающей критерии различения «себя» и «иного», т. е. определенных «символов веры» («доктринальных самоописаний») и подвижных границ «инклюзии/эксклюзии» («икономии/акривии») тех или иных «аутопоэтических» субъектов (индивидов и братств).

1. Политический аспект: интерпретация «светскими» властями

Современные власти признали «Древлеправославную поморскую церковь» в качестве самоопределившегося особого религиозного объединения в 1989 году, которое в 2001 году было зарегистрировано Министерством юстиции РФ. До этого, в советский период, старообрядцев всех направлений с конца 20-х годов XX века власти предпочитали относить к собирательной категории «сект», квалифицируемых как социально опасные группы, в которых усматривали «эксплуататорские устремления» и фанатичную веру «в магическую силу обрядов» [20, с. 102 – 103, 111.]. Таким квалификациям предшествовали первые 10 лет советской власти, когда всех старообрядцев старались привлечь в качестве «попутчиков», поскольку они были традиционной оппозицией «тихоновщине», т. е. «православному большинству», которое

власть воспринимала как серьезную угрозу. В 1917 году при Временном правительстве «поморцам» удается самоорганизоваться во «Всероссийский совет старообрядцев поморского согласия», который ими понимался как представительный орган «всероссийского политического союза старообрядцев поморского согласия», или «Церкви поморцев в России» [17]. Этот статус, в свою очередь, был достигнут в результате краткого периода «золотого века», начавшегося в 1903 – 1905 годы, когда администрацией Николая II ряду течений «ревнителей старого обряда» было присвоено «наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников», возникшего в XVII веке [8].

Этим революционным решениям имперской власти в начале XX века предшествовали попытки монархов солидаризировать, мобилизовать, унифицировать и гомогенизировать население на протяжении XIX, XVIII и XVII веков в качестве ответов на глобальные центробежные вызовы начала эпохи «революции Гутенберга» (1400 – 1468), «Reformatio» (1517 – 1648), «Contrareformatio» («Reformatio Catholica», 1545 – 1648), «Concilium Tridentinum» (1545 – 1563), «Augsburger Reichs- und Religionsfrieden» (1555), «Rzeczpospolita» (Krolestwo Polskie i Wielkie Księstwo Litewskie, 1569), «Unia brzeska» (1596), «Westfälischer Friede» (1648), учреждение научных институтов в XVIII веке и усиление «риторики patio» в веке XIX. Рост влияния «царствующего града Моск-

вы» после трагических событий Смутного времени (1584 – 1613) и прихода к власти династии Романовых сопровождался политикой на консолидацию населения как «православных христиан» в духе реформационного принципа «*cuius regio, eius religio*», противостоящим «иноверцам» и «иноземцам», которых именовали «басурманами», «агарянами», «латиной», «фряжями», «лютерами», «кальвинами», «литвинами» и т. п. В 1648 году к Московскому царству обратился Богдан Хмельницкий, гетман «Rzeczpospolita», с просьбой присоединить подвластную ему «Гетьманщину», аргументируя этот шаг гонениями на «вири наше старожитной греческой» со стороны властей как «кривдубогих людей» и «незбожних неприятелей» [9].

В эти же годы московская власть принимает «Соборное уложение» (1649), новый правовой кодекс, где впервые в отечественной истории документально утверждался приоритет «церкви Божией» в обществе, отраженный в первой главе, получившей название «О Богохульниках и о церковных мятежниках», формулируя нормы «охранительного благочестия», направленные против «бесчинников» («богохульников», «церковных мятежников» и т. п.), которых следовало «обличив казнити, сжечь» [18, с. 3]. При этом «православным Христианом» предписывалось «в церкви Божии стояти и молитися со страхом, а не земная мыслити», иноземцам предлагалось креститься в «православную Христиан-

скую веру», при этом указывалось, что если «будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русскаго человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия» [Там же, с. 129, 156].

В духе эпохи «*Concilium Tridentinum*» московские «святые божии церкви» и «православная христианская вера» начинают противопоставляться нормам Речи Посполитой («*Rzeczpospolita*»), власти которой, «озлобляющие все христианство нашего православия восточного», на «православную христианскую веру греческаго закона» восстали, желая «православные христианские веры искоренить» [1]. В литературе появляется термин «сияющее благочестие» в качестве устойчивого поэтического наименования «Церкви Божией» и «правоверия» Московского царства [6, с. 219 – 221]. В 1620 году формулируются практики «исправления веры» для всех иноземцев, включая «греков», прибывающих в Москву [11]. Утверждение в «*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae*» новых принципов «*Westfälischer Friede*» (1648) совпадает с началом деятельности придворного «кружка любителей благочестия», стремившегося дистанцировать «московское правоверие» («сияющее благочестие» и «православие») от татарского и османского «бусурманства», с одной стороны, а с другой – от многообра-

зия инославных «Христиан», которые принадлежали к «Римской релее» в соседней Речи Посполитой и различным «*confessio*» («*denominatio*») протестантов, т. е. «еретиков», «отщепенцев», «схизматиков», «раскольников», «сектантов» в остальной Европе. Выражения «христианство нашего православия восточного» и «православная христианская вера греческаго закона» подчеркивали принятую царским двором ориентацию на «греческое благочестие» в качестве «аутопоэтической» традиции, которую Москва, как «Третий Рим», почитала себя призванной возглавить.

Реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, взявших современное им «греческое благочестие» за образец и норму, вызвали противостояние как между участниками придворного «кружка любителей благочестия», так и в элитах московского «сияющего благочестия», теми, кто принял особенности захваченного османами в 1453 году «Вселенского Патриархата Константинополя» («*Οικουμενικό Πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως*»), принявшего перед этим «унию» с Римом на Ферраро-Флорентийском соборе (1438 – 1445), с одной стороны, и с другой – теми, кто в духе Василия III видел в этих «особенностях» искажение традиции и «повреждение веры отцов», вызванные именно влиянием унии и османского ига. Происходит разделение «властного дискурса» на «официальный» и «маргинальный», причем последний легко переходил в «уголовный». К этим годам относят-

ся первые упоминания о «розысках», которые вели специальные военные отряды, выявлявшие участников «соловецкого сидения» (1668 – 1676), «капитоновцев», «келейников» и т. п., отказывавшихся от исповеди и участия у «никониан», уходящих в «пустынничество», в том числе и в глухие вязниковские леса на Клязьме и т. п. [15, с. 154 – 160].

В 1685 году царевна Софья публикует «Указные статьи о раскольниках» («12 статей»), где повинование «святой церкви» («церкви Божией») с «истинным намерением и чистой совестью» со стороны «христианы» и «простолюдинов» противопоставлено «расколщикам», «еретикам», «мятежникам», «соблазнительям», «ворам», «плевосеятелям», «хульникам на святую церковь», приверженцам «церковной противности» и «прелестного учения», которых, в случае их упорства, повелевалось «казнить смертью без всякого милосердия» [2, с. 419 – 422]. При Петре Великом с 1697 года начинается ведение специальных документов («исповедных росписей»), где фиксировались присутствующие и отсутствующие на ежегодной исповеди [14]. Дополнительные меры контроля и влияния были утверждены в 1716 году, принуждая прихожан к обязательной исповеди под угрозой штрафа [3, с. 166]. Духовный регламент 1721 года превратил «сияющее благочестие» во «Всероссийскую церковь» («Грекороссийское вероисповедание», «Ведомство православного исповедания» и т. п.), а в 1724 году

Петр принимает дополнительный указ, где только дворцовое «Грекороссийское вероисповедание» трактуется в качестве «благочестия» как такового [4, с. 667].

Ф. К. Сахаров предпринял анализ тысяч «раскольнических дел» из Владимирского архива, начиная с 1720 года. Он показал, что для «церковных мятежников» (в терминах «Соборного уложения» и «12 статей») до 1905 года использовались термины с негативной и уголовной по тем временам коннотацией – «раскольники», «секты беспоповщины», «ересь», «раскол беспоповщины», «раскольническое учение», «зловредное учение», «раскольническая вера», «богопротивная вера» [16, с. 31, 43].

Екатерина Вторая в 1763 году, согласно тексту, опубликованному позднее публицистом В. М. Карловичем (1886), постановила на «общей конференции Сената и Синода... определено (есть): тех, кои церкви Божией во всем повинуются (есть), в церковь Божию ходят (есть), отца духовного имеют (есть) и все обязанности христианския исполняют, а только двуперстным сложением крестятся (есть), таинства ея не лишать (есть), за раскольников не признавать (есть) и от двойного подушного оклада освобождать (есть)» [13, с. 30]. «Раскольники» здесь впервые именуется «христианами», «православными» и «старообрядцами», получая объяснение в качестве «народного протеста» против «невежественного духовенства».

В списке «владимирских дел» Ф. К. Сахарова термин «старообрядцы» впервые отмечается с 1798 года, с 1813 года появляется термин «старообрядческая секта», а с 1820 года – «старовер» [16, с. 31, 43]. В 1844 году публикуется правительственное «воспреещение раскольников именовать старообрядцами, а их молитвенные здания – церквами» [16, с. 163]. Выражение «старообрядческая секта именуемая поморской» упоминается в судебных делах с 1825 года [16, с. 65]. В 1839 году начинают говорить про «суемудрое учение поморской секты» и о «вере поморской секты» [16, с. 115]. В 1843 году встречаем сообщение про «раскол поморского толка» [16, с. 157].

Сегодня термины «старообрядец» и «старовер» обычно понимаются как синонимы, тогда как с конца XVIII века и учреждения в 1800 году «единоверия» как особой формы принадлежности к придворной Греко-российской церкви, позволяющего практиковать «древние формы благочестия», эти термины выступали скорее как антонимы, отражая тонкости государственной политики в отношении «отщепенцев». К контексте того периода термин «старообрядец» стал пониматься как наименование «единоверца», т. е. хоть и «особого» (отличающегося «старыми обрядами»), но «своего» приверженца веры императорской «Российской церкви» (в терминах «Духовного регламента» 1721 года). Термин «старовер» выступал как обозначение «церковного мятежника» (в терминах «Соборного

уложения»), т. е. сознательного «отщепенца» от единства с «Синодальной церковью». Таких людей власти могли воспринимать как «врагов государства», именуемых в судебных документах эпохи сообщниками «лжестарцев» (1755), «лжеучителей» (1755), «лжечернецов» (1757), «лжестариц» (1758) и т. п. Только «Греко-российская церковь» выступала в официальных документах эпохи как «соборная церковь» (1722), «православная церковь» (1724), «православная вера» (1735), «святая вера» (1736), «правоверие» (1736), «православие» (1736), «святая церковь» (1749), «христианская вера» (1749), «вера греческого исповедания» (1754), «вера православного исповедания» (1759) и вообще «церковь» как таковая (1775) [16, с. 31, 43].

Собственно «раскольщики» в империи не признавались самостоятельным вероисповеданием, поскольку «они являлись нарушителями усвоенного русским народом начала единого Православного Государства», и потому в этом собирательном наименовании смешивались все «отступники», «отщепенцы», «еретики» и «сектанты», т. е. все те, кто «отпал» от целого [7, с. 36, 38]. Этим «отщепенцев» неоднократно пытались классифицировать, но делали это не столько аналитически, сколько оценочно, по «степени вредности», для того «чтобы относительно более вредных из них принимать и более энергичные меры борьбы», ориентируясь на выявление «изуверных учений, самая принадлежность к коим

наказуема в уголовном порядке» [7, с. 38, 46]. Их разделили первоначально на три (1842), потом на две (1864) и затем снова на три (1904) категории. С 1874 года для «раскольщиков» были учреждены специальные «метрические книги», фиксирующие рождение и погребение, которые до 1905 года велись полицией.

В литературе XVIII, XIX и начала XX веков «раскольщикам» противопоставляется «православие» в качестве обозначения именно «Веры Христианской Православной Кафолической, Восточного Исповедания» (в терминах Устава 1857 года) [19, с. 9]. Последняя могла имено-

ваться административным термином «Ведомство православного исповедания» и целым рядом других наименований: «Российская Церковь», «Православная Российская Церковь», «Русская Церковь», «Российская Православная Церковь», «Российская Православная кафолическая Церковь», «Греко-Российская Церковь», «Православная Греко-российская Церковь», «Российская Восточно-православная Церковь» и «Российская Церковь греческого закона» [12]. Это многообразие наименований определялось политическими запросами времени и ситуативным контекстом.

Библиографические ссылки

1. «... Чтоб есмь вовеки вси едино были» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Russ_ukr_do_rady/text.htm (дата обращения: 09.05.2017).
2. № 284. 1685, апреля 7. Указные статьи о раскольниках // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 4. 1645 – 1704. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836.
3. № 2991. 1716, февраля 8. Именной, объявленный из Сената. О хождении на исповедь повсегодно, о штрафе за неисполнение сего правила, и о положении на раскольников двойного оклада // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V 1713 – 1719. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
4. № 3987. 1722, апреля 29. Именной, объявленный из Сената. Оботступающих от Грекороссийского вероисповедания // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V 1713 – 1719. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Канон-пресс-Ц, 2001.
6. Белякова Е. В. Первые опыты русской церковной историографии // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 1. М. : Языки славянских культур, 2008.

7. За первый год вероисповедной свободы в России (Бесплатное приложение к журналу «Мисс.Обзор» за 1907 г.).
8. Именной Высочайший Указ, данный Сенату. Об укреплении начал веротерпимости // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV. 1905. СПб., 1908.
9. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Черкасс царю Алексею Михайловичу, с сообщением о победах над польским войском и желании украинского народа объединиться с Россией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/bogdan.htm> (дата обращения: 09.05.2017).
10. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
11. Опарина Т. А. «Исправление веры греков» в Русской Церкви первой половины XVII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1426> (дата обращения: 09.05.2017).
12. Прот. Владислав Цыпин. Ведомство православного исповедания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/150023.html> (дата обращения: 09.05.2017).
13. Речь Императрицы Екатерины Великой о Старообрядчестве, сказанная на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 года. – М. : Тип. Рябушинских, 1912.
14. Романова С. Н., Глуховская И. И. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.familytree.ru/ru/vniidad/pointer.htm> (дата обращения: 09.05.2017).
15. Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке / Отв. ред. И. А. Булыгин ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1986.
16. Сахаров Ф. К. Хронологическая опись дел о расколе, хранящихся в архивах губернского города Владимира. Ч. 1. 1720 – 1855 гг. Владимир, 1905.
17. Съезд старообрядцев-поморцев 1917 года. Третий день. [Электронный ресурс]. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/load/150-1-0-659> (дата обращения: 09.05.2017).
18. Уложение // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том I. 1649 – 1675 гг. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
19. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. Т. XI Ч. 1. СПб., 1896.
20. Федоренко Ф. И. Секты, их вера и дела. М. : Политическая литература, 1965.
21. Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М. : Изд-во РАГС, 2002.

POMORIAN OLD-RITE ORTHODOXY IN VLADIMIR

In the article, some aspects of the phenomenon of Pomorian Old-Rite Orthodoxy are analyzed as a branch of Old Believers and a unique example of the existence of «auto poetic» communities (in terms by Umberto Maturana and Niklas Luhmann). The Pomorians have been aspiring to preserve the «ancient piety» for more than 350 years under the conditions of conflicting relations with the authorities and other religious bodies. A number of materials from the archives of the Vladimir region are analyzed.

Keywords: Old Believers, Niklas Luman, «auto poetic systems», Vladimir.

УДК 297.18

Е. И. Аринин, С. Ш. Абдуллаева

ИСЛАМ И НАУКА¹

В статье рассматривается место науки и причины ее появления в исламе, а также роль Священного Писания – Корана – в процессе развития науки в исламском обществе. Основное внимание авторы акцентируют на то, что для мусульман наука есть зашифрованная истина Божественного откровения – Корана, ниспосланная для того, чтобы люди могли познать окружающий их мир. Истина для мусульман не является объектом искания, она есть результат божественной воли, а ученые в исламе – это элита, они не придумывают и не создают что-то новое, а практичным путём изучают и внедряют в жизнь то, что ещё давным-давно ниспослал людям Всевышний.

Ключевые слова: Бог, религия, ислам, Коран, наука, ученые, знания, разум, истина, культура.

*Наука без религии – хрома, а религия без науки – слепа.
Альберт Эйнштейн*

Исторически ислам сложился не только как система верований и обрядов, но и как рациональная система представлений об устройстве государства, общества и права, включающая в себя различные науки. До прихода ислама арабский племенной мир давно уже беспокоил кризис не только духовного, но и социального характера, и лишь благодаря исламу на Аравийском полуострове начала формироваться общая цивилизация арабского народа, в основе которой лежала особая мусульманская карти-

¹⁴ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ(РФФИ)-ННИС № 15-23-06002, 2015 – 2017.

на устройства мира и места общества в нем. А. Мюллер в 1895 году писал, что «Мухаммед в то время не думал, что основывает новую веру. О том, что поклонение единосущим идолам и есть заблуждение и грех пред единым истинным Богом, знал он уже давно. Но какова задача, ему предстоявшая? Страшный суд, о котором рассказывали ему христианские его друзья, должен был, конечно, пожрать этих безбожников. Что же предстояло ему самому, дабы уклониться от подобной судьбы? Со страхом вопрошал он: «Господи, что же мне делать, дабы спастись?» – этот вопрос для человека поверхностного либо по характеру гибкого не представлял никаких затруднений, но для его жаждущей истины души потрясение было слишком глубоко и тем еще глубже, что некоторые религиозные понятия, которые он успел выпытать от своих друзей, стояли в его уме особняком, без всякой связи. Затем в месяц Рамадан Мухаммеду, терзаемому неотступными мыслями об религиозной истине, в пещере горы Хира снизошло видение, которое и положило начало новой мировой религии ислам» [6, с. 58].

Коран, священная книга мусульман, ниспослана, как они верят, Единым Богом в качестве благочестивого пути и наставления для всего человечества. В. Ф. Гиргас в 1865 году отмечал, что «мусульмане признают источником своего законодательства Бога, который при посредстве избранного им пророка открыл

людям путь к блаженству. Все правила, необходимые для руководства на этом пути, заключаются в предвечном Коране и в изречениях пророка Мухаммеда, переданных его сподвижниками и сохранных в кодексах Сунны» [2, с. 1]. В Коране и хадисах содержатся многочисленные указания на необходимость исследования с целью получения знания, а также на важность поощрения науки и ученых. Аяты и хадисы гласят, что учение есть долг каждого мусульманина [8, с. 237].

Священное Писание мусульман требует, чтобы человек стремился к истинному постижению мира с помощью науки, постигая истинные знания: «Хвала Аллаху, Кто Своему слуге Писание низвел и в нем не допустил извилин (в смысле) – (Писание) прямое, (без уверток), чтобы напомнить (нечестивым) о наказании великом, а тех, кто верует и делает добро, обрадовать благою Вестью, что им – прекрасная награда» (сура 18 Аль Кахф – Пещера, аяты 1, 2); «А если вы в сомнении о том, что Нашему слуге Мы ниспосылали, составьте хоть одну подобную главу и призовите (всех кого хотите) в свидетели себе, кроме Аллаха, коль вы (в своих словах) правдивы» (сура 2 Аль Бакара – Корова, аят 23) [5, с. 326, 44].

В отличие от современной культуры, где научные знания часто вступают в конфликт с религией, мусульманская традиция побуждает человека стремиться к знаниям и науке, признавая ученых элитой общества [4].

Знание, к которому призывает эта религия, является, по мнению некоторых ученых, знанием о духовных основаниях бытия, направленным на распространение и укрепление религии, хотя аяты и хадисы не определяют, к какому роду принадлежат те или иные науки, призывая посвятить себя науке как таковой [8, с. 237].

С. Уманец еще в 1891 году писал, что «Исламу, как и другим мировым религиям, пришлось пройти в своем развитии много ступеней. Горячая и страстная проповедь единобожия арабского религиозного реформатора Мухаммеда была проста и увлекательна. Его поклонение единому Творцу вселенной было искреннее и глубокое: первые по времени их появления суры (главы) Корана, полные силы, оригинальной поэзии и своеобразного энтузиазма, – лучшее тому доказательство» [9, с. 103]. В ходе истории на огромной территории исламского мира в результате тесного взаимодействия различных культур и этносов сложилась общая в целом для его жителей арабо-мусульманская культура [7, с. 7], где халифы, ясно понимая значимость науки для их расширяющейся империи, стремились заимствовать лучшие достижения древней средиземноморской цивилизации, сохранив многие из них для современной культуры и преобразовав их в нечто яркое, необычное и самобытное.

Под арабо-мусульманской культурой мы понимаем особый способ осмысления мира, находящий свое выражение в картине мира и опреде-

ленной эпистеме. Ислам, как полагают современные исследователи, дал импульс развитию культуры благодаря двум основным факторам. Первый – это монотеистическое мировоззрение, которое вывело арабов-мусульман на новый универсальный уровень осмысления мира и положения человека в нем. Развиваясь, арабо-мусульманская культура получила все основания для того, чтобы встать в один ряд с великими культурами прошлого и современности (персидской, византийской, эфиопской и античной), выработав высокоинтеллектуальный язык, с помощью которого могла общаться на равных с этими культурами [Там же, с. 7, 8].

Безусловно, развитие науки в исламском обществе не было бы реальным без арабского языка, языка Священного Писания, который, подобно греческому, является языком науки и философии, давшим базовые тексты и собственный понятийный аппарат целой цивилизации. Его признают одним из великих языков человеческой цивилизации и истории, поскольку и сегодня, подобно английскому и испанскому, он является общим достоянием многих народов, выступая в качестве связующей нити их культурного и интеллектуального родства [1, с. 166]. Очевидно, что в первую очередь арабский язык был в Халифате языком религии. Коран, как верят мусульмане, был ниспослан пророку Мухаммеду именно на арабском языке. Тем самым эта религия способствовала тому, что за несколько столетий язык кочевников-бедуинов

превратился в язык науки и философии, поэзии и государственного управления. Им пользовались известные ученые и поэты из числа персов и тюрков, которые внесли существенный вклад в интеллектуальный взлет мусульманской цивилизации. Кроме того, сами тексты, написанные арабским алфавитом, со временем превратились в своеобразные живописные произведения, а искусство художественного письма – каллиграфия – достигло поразительных художественных высот. Учение ислама и арабский язык стали основными цементирующими элементами богатейшей культуры мусульманского Востока. Культура, начало которой положило учение пророка Мухаммеда, не была только «арабской», большой вклад в ее развитие внесли тюркоязычные и ираноязычные народы. Хотя роль арабского языка как языка Корана не следует преуменьшать, однако необходимо подчеркнуть, что в литературе, науке, делопроизводстве использовались и другие языки, на которых создавались выдающиеся произведения, вошедшие в сокровищницу человечества. Таким образом, ислам способствовал подъему культур разных народов [3].

Второй импульс – это создание благоприятных политических и религиозно-доктринальных условий для синтеза культурного наследия многих народов, вошедших в состав практически мгновенно для глобальной истории возникшего исламского государства, которое протянулось на огромных территориях Северной Аф-

рики, Ближнего и Среднего Востока. Этому способствовали веротерпимость, в целом характерная для ислама, и отсутствие подозрительности в отношении неисламского культурного наследия [7, с. 8].

Для исламского мировоззрения характерны высокая оценка разума и знания как некий закон поиска истины. Разум, знание и истина – это взаимосвязанные понятия, которые занимают особое место в исламской культуре. Исламское вероучение рассматривает себя прежде всего как знание о правильном устройстве земной жизни. Знание высоко оценивается в Коране, а поиск знания – это обязанность каждого мусульманина. «Ищите знания, хотя бы и в Китае, ведь поиск знания – обязанность мусульманина». Поиск знания стал одним из требований исламской культуры, который заставляет странствовать ради обретения ценных знаний, тем самым фиксируя их в рукописях и книгах, собрания которых составляли целые библиотеки. Исламская этика побуждает ученого никогда не отказываться в обучении знаниям других, поскольку знания – не есть индивидуальное достояние обладателя и ученый не имеет права оставлять его только для себя: «Один из хадисов называет ученых наследниками пророков; если учесть, что эпоха пророчества, согласно исламскому учению, завершилась со смертью Мухаммеда, получается, что ученым отдана высшая ступень в иерархии живущих» [Там же, с. 13].

Особенностью ислама является то, что он никогда не разделял жизнь

на «духовную» и «мирскую», вследствие чего во многих мечетях начинали открываться образовательные центры. Одним из самых первых таких центров был знаменитый «Дом мудрости» в Багдаде, основанный в IX веке – своего рода первая «академия наук» Халифата, принявшая в себя многих ученых из христианской Европы, бежавших от религиозной нетерпимости. Возникшие мусульманские учебные заведения и исламские университеты стали мощными культурными центрами не только по распространению ислама, но и по

изучению и толкованию Корана, где происходило обучение основным языкам мусульманского мира: арабскому, персидскому и урду, а также различным наукам. Древние традиции уважения науки, знаний и ученых не только востребованы современной культурой, порой предельно прагматичной и обездушенной, но и дают надежду на достижение некоего нового гармонического синтеза базовых ценностей научных и религиозных поисков обретения универсальной и многоплановой истины бытия человека в мире.

Библиографические ссылки

1. Бернارد Л. Арабы в мировой истории. С доисламских времен до распада колониальной системы / пер. с англ. Т. М. Шуликовой. М. : Центрполиграф, 2017. 223 с.
2. Гиргас В. Ф. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб. : В печатне В. Головина, 1865. 107 с.
3. Ислам, наука и культура [Электронный ресурс]. URL: <http://sdamzavas.net/1-6855.html> (дата обращения: 10.03.2017).
4. Islam today/all about Muslim world. Исламские ученые нашего времени [Электронный ресурс]. URL: <http://islam-today.ru/obsestvo/naukaitehnologii/muslim-ucenie/> (дата обращения: 12.03.2017).
5. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой / гл. ред. д-р Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. 14-е, доп. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2015. 912 с.
6. Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. В 4 т. Т. 1 / пер. с нем. под ред. Н. А. Медникова ; изд. Л. Ф. Пантелеева. СПб. : Тип. и Литогр. В. А. Тиханова, 1895. 377 с.
7. Смирнов А. В. История арабо-мусульманской философии. М. : Академический Проект, 2013. 225 с.
8. Смирнов А. В. История арабо-мусульманской философии: Антология. М. : Академический Проект, 2013. 267 с.
9. Уманец С. Религиозная метафизика мусульманского Востока : очерк // Вопросы философии и психологии. М., 1891. 76 с.

ISLAM AND SCIENCE

The article examines the place of science and the reasons for its emergence in Islam, and the role of the Holy Scripture – The Quran – in the process of science's development in Islamic society. The author emphasizes the fact that for Muslims science is the encrypted truth of Divine revelation – The Quran, which has been sent down for the people to be able to explore the world. For Muslims, the truth isn't the object of searching, it's the result of God's will, and the scientists in Islam are elite, they don't invent and create something new, but they study and practically implement in our life what God had granted to the mankind long time ago.

Keywords: God, religion, Islam, Quran, science, scientists, knowledge, mind, truth, culture.

УДК 113+116+218/217

Н. И. Петев

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ ОНТОЛОГИИ В РАМКАХ ИСКУССТВЕННОЙ МИФОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОИГРЫ «WARHAMMER 40.000»).

Космогонические мифы большинства религиозных систем обладают элементами эволюционизма, т. е. космогония – это не просто моментная «вспышка», а сложный и долгий онтологический процесс, обладающий определённой интенцией и вектором развития. В любой мифологии существуют мифы, в которых раскрывается энтелехия мироздания. Иными словами, это раскрытие причин и следствий генезиса, развития и деградации мира. Одним из элементов такого процесса является «борьба поколений» богов и людей. Особое значение этих мифологем заключается в том, что они определяют этиологию и телеологию человека, а некоторые раскрывают антропологический поворот в мифологии. Искусственные мифологии также обладают подобными космогоническими мифами, имеющими особую специфику. В данной статье рассмотрена мифологическая конструкция «борьбы поколений» искусственной мифологической системы видеоигры «Warhammer 40.000» как особый комплекс архаических представлений, сохранившийся в сознании индивидуумов и получающий отклик у них. Сама игра – яркая репрезентация такого архаического «следа», при этом она выполняет определённые компенсаторские функции.

Ключевые слова: эволюционизм, искусственная мифология, видеоигры, Warhammer 40.000, трансмутация, трансгрессия, космогония, «борьба поколений».

В истории Вселенной Warhammer присутствует популярный для религий сюжет о борьбе между поколениями божеств или божеств с иными автохтонными существами. Ярким примером может служить греческая мифология, в частности борьба уранических существ против титанов (под предводительством Кроноса), а после победы последних война титанов и богов-олимпийцев, которые в итоге и одержали победу [8, с. 7 – 10]. Также можно привести в пример борьбу между старшим и младшим поколениями богов в скандинавской религии. В скандинавской мифологии есть упоминание о войне между Асами и Ванами, которая закончилась победой последних, однако в самой мифологии и мировоззрении скандинавов важнейшую роль занимали именно Асы¹. Или же пример из шумеро-аккадской мифологии, где первоначальных божеств Тиамата и Апсу побеждает молодое поколение богов, в частности Энки и Мардук.

В космогонии Warhammer представлено подобное противостояние К'Тан и «Древних», Некронов и Эльдаров и т. д. Эта борьба именуется «Война в Небесах». К'Тан и «Древние», первичные и самые древние, противостояли друг другу на нематериальном уровне (в Варпе). К'Тан

¹ Асы развязали войну, но проиграли её. На руинах Асгарда они заключили союз с Ванами [12, с. 108]. Боги заключили договор, согласно которому один бог не имеет права убить другого. Для скрепления этого союза обменялись своими представителями, передавая каждого как заложника другой стороне в качестве гарантии мира [Там же, с. 57; 6, с. 23 – 24].

проигрывают эту битву, но затем встречают расу Некронтиров, которые создают тела для К'Тан (живой металл) и впоследствии помогают им победить «Древних». «Древним» помогает созданная ими раса Слаан. К'Тан изменили Некронтиров, наделив их плотью из живого металла и лишив их свободы воли (только у единиц она осталась). Некронтиры стали Некронами. В данном сюжете раскрывается вопрос свободы воли. Воля и творчество имеют особую силу во Вселенной, поэтому обладатели этих качеств оказывают на неё сильное влияние. Когда Некронтиры (Некроны) отказались от свободы воли ради бессмертия и силы, это исключило их возможность влиять на космогонию Вселенной, в частности созидательную. И тем не менее их роль остается немаловажной, так как часть относительного влияния в них осталась. Она перекликается с эсхатологией и апокалиптикой, так как единственная цель Некронов – полное тотальное доминирование расы во Вселенной².

² Практически все Некроны безвольны, больше напоминают машины, которых запрограммировали с одной лишь определённой целью. Однако некоторые из них сохранили элементы свободы воли. Таким примером служит Сарех, который был последним королём Некронтиров до того, как они стали Некронами. Он сохранил свободу воли, и когда понял, что натворил с собственным народом, отправился в скитание, чтобы принять там своё наказание. Несомненно, что здесь присутствует важный нравственный мотив. Мотив скитания как некоего наказания и одновременно нравственного очищения (катарсиса) существует во многих религиях. Примером является скитание Кецалькоатля (Кукулькана), дабы

Благодаря союзу Некронов и К'Тан «Древних» почти уничтожили. Однако оставшиеся «Древние» вместе с Слаан творят новые расы, среди них выделяются Эльдары, которые в итоге и станут причиной падения и К'Тан, и Некронов. В результате этой космогонической битвы все К'Тан (кроме четырёх из них) были уничтожены³, а Некроны, ослабев, впали в стазис. «Древние» также понесли огромные потери, они перестали создавать новые жизни и вскоре почти все вымерли, кроме самых сильных⁴. Практически полное уничтожение «Древних» произошло намного позднее, и связано оно с падением империи Эльдар и рождением четвертого божества Хаоса Слаанеш. К этому моменты расцветает империя человечества, и именно она начинает играть центральную роль сюжета.

В данном сюжете необходимо отметить следующее:

1. Наблюдается борьба старшего и младшего поколений богов – К'Тан и «Древних» и т. д. Отметим, что в истории Warhammer этому мо-

вновь обрести нравственную чистоту, после того как он совершил запрещённое действие (мифы ацтеков и майя) [4, с. 190]. Роль Сареха в общей истории Warhammer на этом не заканчивается, более того, он будет одним из тех, кто сыграет в ней позитивную роль.

³ Особое значение имеет К'Тан «Дракон Пустоты», запертый в теле Бога-машины, культ которого распространили Адептус Механикус.

⁴ Вследствие отказа от творческого начала главенство перешло к иным расам, а онтологическая необходимость в «Древних» исчезла, что в результате привело к упадку цивилизации. Позднее это произойдёт и с цивилизациями Слаан и Эльдар.

менту уделяется незначительное внимание. Но именно эта часть позволяет нам указать на то, что в данной Вселенной существуют параллели космогонических процессов с различными религиозными традициями. Нельзя отнести сюжет «о битве богов» к какой-то конкретной религиозной системе, она, скорее, представляет общую идею всех сюжетов. Таким образом, можно сделать предположение, что этот элемент указывает на Вселенную Warhammer как некую искусственную мифологию, как систему синтетически слитых в единое религиозно-мифологических представлений.

2. Привлечение в борьбу смертных существ. Во многих религиях наблюдается антропологический поворот, т. е. человек начинает играть особую роль в мифологии. Он наделяется свободой воли, и одновременно на него возлагаются определённые обязанности и ответственность. Он становится соратником неких высших сил, а иногда и реализатором их воли. Ярким примером является хеттский миф о поединке бога грозы (Тару) со змеем (Иллуянка). После похищения змеем у Тару глаз и сердца сын бога грома от смертной женщины женится на дочери дракона, тоже от смертной. Сын похищает у дракона для отца украденные у него части тела, в сражении с драконом бог грома убивает его и случайно своего сына, который просил его не жалеть. Инвариация этого мифа связана с другим богом, точнее, богиней, а именно воинствующей Инарой. Она

берёт в наложники обычного смертного, который и побеждает дракона. Другой пример: у зороастрийцев есть представления о богатырях-драконоборцах (Кэрсаспа, Троэтон), борющихся с inferнальными силами Анхра-Манью (Ахриман) – богом зла.

3. Налицествует процесс трансформации персонажей из одного состояния в другое. Отметим, что во Вселенной Warhammer присутствуют феномены трансформации⁵ и трансмутации. Ярким примером трансмутации во Вселенной является сюжет о Некронтирах. Р. Генон отмечает, что «трансмутация» есть, собственно, только изменение состояния внутри формальной области, включающей всю совокупность индивидуальных состояний, или даже, проще говоря, изменение модальности внутри индивидуальной человеческой области...» [5, с. 381]. Иными словами, изменяются лишь какие-то определённые условия существования индивидуума, его экзистенция здесь и сейчас, но не обеспечивается некий переход в трансцендентное состояние. Примером служит учение о бессмертии у даосов, которые считали, что именно тело предотвращает дисперсию души, поэтому, чтобы достичь бессмертия души (единство комплексов душ хунь и по), необходимо достичь бессмертия тела [19, с. 9 – 10]. Некронтиры же, обретая

⁵ Под этим термином необходимо понимать процесс перехода из одного онтологического состояния в другое, в том числе инкарнацию и трансгрессию.

новое бессмертное тело и при этом становясь Некронами, изменяются и по своему внутреннему содержанию, т. е. теряют волю. Несомненно, это актуально для вышесказанного, если рассматривать взаимокоррелированные изменения, которые происходят между душой и телом каждого индивидуума в процессе его экзистенции⁶. Интересное мнение высказал К. Юнг. Он отмечает такой феномен архаичного человека, как «потеря души» (снижение психического уровня напряжения), при котором происходит паралич воли, личность расщепляется, наблюдаются ослабление контроля разума, потеря функций (в том числе и физических) амнезия и так далее, а итогом всего этого является развитие негативной по своей сущности, искажённой истинной личности [22, с. 257 – 258].

В мифологических традициях различных религий существуют мотивы трансмутации, которые в последующем привели к изменению и самой личности персонажа. Например, берсерки: согласно преданиям, после инициации они становились обладателями особой силы, ярости, мощи и могли принимать животные обличия, обладали буйным и диким характером, больше похожим на звериную жестокость. Часто сами себя ассоциировали с волками и медведя-

⁶ «Ибо человеческая душа есть сама идея или познание человеческого тела» [16, с. 82]. Изменение одного незамедлительно влияет на содержание другого. Поэтому при изменении одного из этих взаимодействующих элементов второй также изменяется для соответствия первому, и наоборот.

ми, что инициировало иррациональное поведение. Представления эти были основаны на мифологемах о родстве с волками (медведями) или связаны с каким-либо иным мифологическим сюжетом о первичной трансмутации [21, с. 212 – 215]. Другой пример – носитель качества бесконечной трансмутации, который присущ многим религиям – это трикстер. Его способность к постоянным физическим изменениям имеет параллель с неосознанностью и нравственной амбивалентностью. Во вселенной Warhammer существуют и другие примеры трансмутации⁷.

Что касается феномена трансформации, являющейся частью многих мифологем религий мира, то она также ярко представлена во Вселенной Warhammer. Пример – инкарнирование Императора в физическое тело, а потом последующий переход (трансгрессия) в материальную форму Имматиума⁸. Более того, существует идея о втором пришествии этого персонажа, которое ознаменует совершенное новое время [17]. Важно отметить, что данный процесс

⁷ Примерами изменений являются метаморфозы Легиона «Тысячи Сынов», Легиона «Гвардия Смерти» и т. д. Более того, попытка реверсивного изменения «Тысячи Сынов» (возвращение в первоначальную телесную форму) не увенчалась успехом, превратив многих индивидуумов в безвольных големов.

⁸ Подобные метаморфозы схожи с сюжетом об Иисусе Христе. Воплощение в плоти, затем последующая смерть, после которой обретается новая совершенная форма. Несомненно, что именно этот сюжет был заимствован для Императора в рамках Вселенной Warhammer.

может иметь две основные формы: перевоплощение и возрождение. Обычный метемпсихоз здесь не имеет места ввиду того, что он не предполагает сохранения одной целостной личности на протяжении перерождений [22, с. 251]. Две формы, указанные нами выше, приемлемы, так как перевоплощение предполагает знание о прошлой жизни (как эго-формы) [Там же, с. 251], а возрождение – не только полное восстановление первоначальной формы, но и в некоторых случаях и её качественное улучшение [Там же, с. 252]. Последнее также более вероятно, так как во Вселенной существует концепция о будущем возвращении Императора и последующем главенстве человечества во Вселенной. Иными словами, намечен имманентный и латентный эсхато-апокалиптические сюжеты. Зачастую появление апокалиптики является одним из этапов трансформации и развития вероучения той или иной религии. Ещё один пример инкарнирования – это изгнание расы Эльдар из Варпа в Материум⁹.

В целом стоит отметить, что идеи трансмутации и трансформации (инкарнация и трансмиссия) указывают на монизм как метафизический аспект Вселенной Warhammer. Оба процесса предполагают переход из од-

⁹ Очень схоже с идеей антропогенеза в тексте «Пополь-Вух» (III, гл. 1 – 8), где описано пребывание первых сотворённых людей «во тьме», т. е. в некоем небытии, и лишь со временем, когда «человек» был готов, ему был дан реальный мир. Также существуют некоторые параллели с сюжетом из Ветхого Завета о грехопадении и облачении в «кожаные ризы».

ного состояния в другое, что характерно для концепций, где хоть субстанция и имеет различную форму и проявление, тем не менее первоначально одно, как, например в даосизме.

Отметим, что особенностью истории Вселенной является то, что внутри космогонии присутствует ещё одна космогония. С появлением нового доминирующего элемента (расы) всё бытие перестраивается. Наблюдается непрекращающийся космогонический процесс. Это делает историю Вселенной Warhammer ещё более абстрактной и хаотичной, что приближает её к «мифологии мифологии». В то же время наблюдается и процесс развития Вселенной как некой искусственной мифологии, например в аспекте апокалиптики, что указывает на процессы структуризации системы. Однако это лишь единичные случаи, которые не влияют на общую «хаотичную архитектуру».

Во Вселенной существует идея о смене поколений людей, которая также имеет место в религиозных концептах. Сюда можно отнести греческую традицию, согласно которой существовало пять сменяющих друг друга поколений людей, созданных богами [8, с. 79 – 81]. Инвариацией данной креационистской мифологемы является миф об андрогинах в «Диалогах» Платона [13, с. 319 – 322]. Также яркий пример мифов о смене поколений – мифологема индейцев Месоамерики, изложенная в тексте «Пополь-Вух», в котором указано, что существовало несколько попыток создать человека (несколько

поколений), однако они были неудачными¹⁰. У кельтов есть идеи о смене поколений [20, с. 196]. Иными словами, многим религиозным концепциям свойственна идея о смене поколений людей. Одни утверждают, что причина этого процесса – постепенный упадок (деградация человека), другие, – что это поиск идеального варианта для исполнения своих обязанностей.

В истории Вселенной Warhammer процесс смены поколений ярко выражен в хронологии развития человеческой расы. Согласно «Журналу Крипиаса», который позиционируется как первоисточник, описывающий историю человечества, первоначально существовали «Золотые люди», затем «Каменные люди», после чего были созданы «Железные люди». Последних в итоге уничтожили «Каменные люди».

Стоит отметить, что история Вселенной начинается именно тогда, когда Император начинает менять её через свои акты. Он становится «архитектором», который строит новый мир. Это «героический цикл» искусственной мифологии. Активность человека во Вселенной начинается с процесса колонизации и терраформирования планеты Марс. Несомненно, что Марс всегда занимал особое место в мечтах футуристов и фантастов¹¹. Космогония – это эволюцион-

¹⁰ Пополь-Вух I, гл. 2

¹¹ В массовой культуре феномен ярко присутствует в литературе («Война миров») и кино («Вспомнить всё», «Марс атакует», «Марсианин» и т.д.). Более того, существует программа колонизации планеты Марс.

ный процесс, и он включает в себя творение (происхождение) всех вещей. Например, в кельтской мифологии космогонические процессы приписываются не только богам, но и людям [20, с. 195, 198, 202]¹².

Однако человеческая раса влияет не только на Материум, но и на Имматериум. В качестве примера можно привести особую категорию представителей человеческой расы (псайкеров), которые имеют особую связь с Варпом. Можно сказать, что это аналоги специалистов (профессионалов), чья деятельность связана с иным миром (шаманы, колдуны и т. д.), которые присутствуют в культурных традициях различных религий. Из-за неконтролируемой и неосторожной деятельности псайкеров могут появляться «Варп-разломы», т. е. места проникновения Имматериума в Материум¹³. Кроме того, выше мы указывали на то, что под действием эмоционально-волевого тона индивидуумов в Варпе возникают новые существа. Можно сказать, что чело-

веческая раса в общей онтологической картине заняла главенствующее место, которое до этого принадлежало Эльдарам¹⁴. Ввиду особых качеств эти две расы в истории Warhammer являются «архитекторами». Так, например, есть раса Тау, которая не имеет связи с Имматериумом, и ее влияние на историю Вселенной минимально.

Перейдём непосредственно к смене поколений человечества. Первоначально существовала «Золотая раса» людей. Однако она была зависима от технологий новой расы – «Каменных людей». О последних практически ничего не известно, только то, что после угасания «Золотой расы» именно они стали править человеческой империей. «Люди Камня» были менее развиты физически и не имели такого темперамента и философского склада ума, как «Золотые», но их технологии открывали им огромные возможности. Можно предположить, что в соотношении «Каменного» и «Золотого» поколений можно усмотреть некую деградацию человека. Если предположить, что «Каменная раса» есть следствие обнаружения древних технологий на Марсе и что благодаря этим технологиям как-то изменился и сам род человека, то вышесказанное имеет место быть. В этом аспекте можно увидеть отсылку и к современным проблемам человечества. Несомненно, что технический прогресс является

Яркими примерами являются планы «Mars One» и «SpaceX». Но на примере проекта «Inspiration Mars Foundation» были выявлены некоторые проблемы, в том числе технические, связанные с полётами на эту планету.

¹²Хотя, несомненно, что вполне возможным является смешение чистой мифологии и истории или же мифологизация истории.

¹³Благодаря особым качествам псайкеры, являясь существами Материума, как влияют, так и подвергаются влиянию Имматериума. Они условные трансляторы многих феноменов Варпа в реальность. Всё это позволяет им влиять на обе эти сферы и одновременно придает особый вес человечеству в истории Warhammer.

¹⁴ Особенность заключается в том, что все Эльдары имеют способность контактировать с Варпом в отличие от людей, что в своё время и оказало негативное и даже деструктивное влияние на эту расу.

неотъемлемой частью современного общества, однако в погоне за технологиями человек становится слабее как в физическом, так и духовно-нравственном плане. Можно предположить, что «Золотая раса» – это первое поколение людей, которое отличалось особыми духовными, нравственными, волевыми и физическими качествами, которые были такими, потому что другими они не могли стать ввиду внешних условий¹⁵. «Люди Камня» – поколение, выросшее на высоких технологиях, при которых вышеупомянутые качества не нужны, они излишни и рудиментарны. Любой возникший вопрос можно решить при помощи современных технологий¹⁶. К сожалению, в этом усматривается и современное состояние человечества, когда духовная сфера человека отброшена на последний план, а его интеллектуальные ресурсы направлены на утилитарные цели.

После исчезновения «Золотой расы» главенствующей становится «Каменная». Эта раса создаёт ещё одно поколение людей, которое называется «Железные люди». Бла-

годаря совместным усилиям этих поколений человеческая раса стала могущественнейшей силой во Вселенной. Однако позже «Каменные люди», защищаясь от «Железных», уничтожили последних. Также во Вселенной Warhammer нет точного определения, что необходимо подразумевать под «Железной расой». Однако есть предположение, что под этим предполагается искусственный интеллект [18]. Все технологии (машины), не имеющие души¹⁷, считаются опасными, и поэтому требуется их ликвидация, дабы избежать угрозы человечеству. Можно отметить, что вопрос искусственного интеллекта весьма актуален для современного мира. Одними из острых вопросов о соотношении человека и искусственного интеллекта являются этическая проблематика, юридический статус, различие ценностных приоритетов, духовные основы и т. д.

Во Вселенной Warhammer после уничтожения «Железных людей» человечество погрузилось в период междоусобных войн, а также подверглось нападению иных рас, что привело человечество к упадку и по-

¹⁵ Это поколение людей, которые определённых технологических открытий добились сами усилиями и волей, это мечтатели, которые хотели познать Вселенную.

¹⁶ Б. Паскаль отмечает, что человек не ощущает ничего чрезмерного, и более того хоть «чрезмерность неощутима и, тем не менее нам враждебна: не воспринимая ее, мы от нее страдаем» [11, с. 50]. Если индивидуум начинает постоянно полагаться на что-то, что полностью облегчает его деятельность, то он сам же становится заложником этого. То, что должно было принести ему освобождение, закабляет его и делает зависимым.

¹⁷ Ж. О. Ламетри в своей работе «Человек-машина» рассматривает индивидуума как своеобразный сложный и огромный механизм или машину и более того, отмечает, что душа является «движущим началом или чувствующей материальной частью мозга» [9, с. 215]. Но существуют и другие концепции, которые считают, что человек не просто биологическая машина. Яркий пример – Н. О. Лосский, который указывает, что свобода воли и творческое начало именно то, что отличает человека от (машины) автомата, которая детерминирована бытием [10, с. 59].

тере значения во Вселенной. Это ещё один пример декадентства «Каменных людей». Во-первых, междоусобные войны указывают на становление «естественного состояния человека», а именно «войны всех против всех» [7, с. 87 – 89]. При таком положении вещей нет никаких нравственных принципов и ценностей, нет монолитности общества, нет духовного развития и т. д. Возвращение в такое состояние указывает на деградацию, которая способствует последующему вырождению. Во-вторых, необходимо отметить особую агрессию «Каменных людей». Первобытному состоянию человеческого сознания свойственно воспринимать «иное» как «чужое», что вызывает страх и последующее агрессивное поведение [15, с. 31]. Однако эта тенденция человеческой расы не исчезает с приходом Императора и объединением человечества, а трансформируется в более категоричную форму. Поэтому невозможно детерминировать человеческую расу как носителя истинных нравственных ценностей, так как поступки, поведение и отношение часто им не соответствуют.

К четвёртому поколению можно отнести поколение, созданное Императором для объединения человечества. Это генетически созданные люди, которые были лишены самых сильных изъянов человека, они превосходили обычных людей как в физическом, так и психо-ментальном плане. Отметим, что в данном сюжете истории Вселенной можно усмотреть намёк на некое «алхимическое

делание»¹⁸. Как и в алхимии, в науке и технике человечества Вселенной Warhammer также существует смешение науки и мистики (сверхъестественного). Можно предположить, что все поколения, кроме «Золотой расы», претерпевали «алхимические» изменения. Этим подтверждается особенность Вселенной как искусственной мифологии, в которой смешаны религиозные представления и футуристическо-фантастические концепты науки.

Последнее, что необходимо отметить, – это яркое противостояние политеистических и монотеистических концептов в рамках истории Вселенной. Наиболее выразительные образы политеистических систем во Вселенной представлены «Древними» и Богами Хаоса. Монотеизм представлен культом Бога-Императора, который является официальной религией Империи, а также культом Бога-Машины, культом Адептус Механикус, который объявил Императора воплощением их Бога (Омниссия).

Вышесказанное дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, видеоигры позволяют погрузиться в специфическое мифологическое состояние (раскрыть некий бессознательный элемент). Можно сказать, что это выражается во внутренней необходимости и желании индивидуума приобрести определённые качества и свойства, каковыми

¹⁸ В алхимии одной из важнейших целей было создание аналога человека или человекоподобных существ. Яркими примерами являются сюжеты о создании гомункулов и големов.

он сам по себе не обладает. Проходя сюжетную линию, принимая решения и развивая своего героя, например через систему «навыков, умений и способностей», индивидуум как бы сам приобщается к желаемым качествам, т. е. реализует и возвращает себя через героя. Во-вторых, через игры индивидуум компенсирует и сублимирует свои желания и потребности, которые невозможно реализовать в реальной жизни. В-третьих, видеоигра – это особая форма разрядки психологического напряжения,

вызванного психологическими, ментальными, экономическими и другими запретами. В-четвёртых, через видеоигру происходит сопричастность к чему-то «иному», «нуминозному», «сакральному» ввиду десакрализации современного религиозного сознания и доминирующей рациональности и формализации. Кроме того, данное исследование позволяет понять, каким образом мифологизированные элементы становятся доминирующими в миропонимании и мировосприятии некоторых индивидуумов.

Библиографические ссылки

1. «Warhammer 40 000» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://cyclowiki.org/wiki/Warhammer_40,000 (дата обращения: 20.02.17).
2. «Warhammer 40k Вики». Режим доступа: http://ru.warhammer40k.wikia.com/wiki/Warhammer_40000_Wiki (дата обращения: 20.02.17).
3. «WarhammerCommunity». Режим доступа: <http://w40k.in>, (дата обращения: 20.02.17).
4. Белов Н. В. 2012: Апокалиптические пророчества майя. Минск : Харвест, 2009. 256 с.
5. Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. 784 с.
6. Гербер Хелен. Мифы Северной Европы / пер. с англ. Г. Г. Петровой. М. : Центрполиграф, 2008. 346 с.
7. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.
8. Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. СПб. : Азбука, 2013. 512 с.
9. Ламетри Ж. О. Сочинения. 2-е изд., стер. М. : Мысль, 1983. 509 с.
10. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991. 368 с.
11. Паскаль Б. Мысли. М. : Астрель, 2009. 253 с.
12. Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М. : АСТ, 2010. 464 с.
13. Платон. Диалоги. СПб. : Азбука-Аттикус, 2013. 448 с.
14. Пополь-Вух. Мифы индейцев Центральной Америки / пер. с яз. кичи Р. В. Кинжалова. Екатеринбург : У-Фактор, 2006. 240 с.
15. Скрипник А. П. Моральное Зло. М. : Политиздат, 1991. 351 с.
16. Спиноза Б. Этика. М. : АСТ, 2001. 336 с.
17. Статья «Бог-император человечества» // сайт «Warhammer 40 000». – Режим доступа: http://cyclowiki.org/wiki/Бог-Император_Человечества (дата обращения: 20.09.17).

18. Статья «Бог-Машина» // сайт «fandom». Режим доступа: <http://ru.ffg.wikia.com/wiki/Бог-Машина> (дата обращения: 20.02.17).
19. Чжан Бо-Дуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пьянь) / Предисл., пер. с кит. и коммент. Е. А. Торчинова. СПб. : Петербурж. востоковедение, 1994. 346 с.
20. Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М. : АСТ, 2005. 431 с.
21. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб. : Университет. кн., 1999. 356 с.
22. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М. : Совершенство, 1997. 384 с.

N. I. Petev

**EVOLUTIONISM OF ONTOLOGY IN THE ARTIFICIAL
MYTHOLOGY (CASE-STUDY: VIDEO GAME «WARHAMMER 40.000»).**

Cosmogonic myths of the most of religious systems have elements of evolutionism. That is, cosmogony is not just a snap flash, but a complex and long ontological process having a certain intention and vector of development. In any mythology there are myths which reveal the entelecheia of the universe. In other words, it is a disclosure of the causes and consequences of the genesis, development, and degradation of the world. One of the elements of such a process is «a struggle between generations» of gods and men. Special significance of these myths is that they define the etiology and teleology of man, and some myths reveal the anthropological turn in mythology. Artificial mythologies also have similar cosmogonic myths with their own particularities. This article discusses the mythological structure of the «struggle between generations» in the artificial mythological video game system Warhammer 40.000, as a special complex of archaic representations preserved in the minds of individuals, and receiving a response from them. The game itself is a vivid representation of such archaic «trace», while it performs certain compensatory functions.

Keywords: Evolutionism, artificial mythology, video games, Warhammer 40.000, transmutation, transgression, cosmogony, «the struggle between generations».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛАЕВА Сабина Шихсеидовна – ассистент-преподаватель Колледжа инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, аспирант кафедры философии и религиоведения ВлГУ.

amirseiidova.sabina@yandex.ru

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

eiarinin@mail.ru

БАЙИЧ Лиляна – профессор филологического факультета Белградского государственного университета (Сербия).

ica.bajic@gmail.com

КАРТАШОВА Мария Вячеславовна – кандидат исторических наук директор Балахнинского музейного историко-художественного комплекса.

kmiw@mail.ru

КИПРИЯНОВА Наталья Владимировна – доктор исторических наук профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

natvlad50@mail.ru

КОРОБКОВ Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

n.kyakkinen-56@andex.ru

КУЗЬМЕНКО Татьяна Ильинична – магистрант кафедры украинской филологии и издательского дела Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (спец. «Лингвистика. Перевод славянских языков»).

shtanya07.93@mail.ru

МАРФИНА Жанна Викторовна – кандидат филологических наук (спец. «Украинский язык») доцент кафедры украинской филологии и издательского дела Луганского национального университета им. Тараса Шевченко.

lib_inpu@ukr.net

МИЛЬКОВА Анна Владимировна – аспирант кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова.
a.milkova@narfu.ru

МИНЕЕВА Инна Николаевна – кандидат филологических наук доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета.
InnaV2003@yandex.ru

ОМЕЛЬЯНЧУК Игорь Владимирович – доктор исторических наук профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Omeliyanchuk@mail.ru

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
eyanideemo@mail.ru